

№2

Февраль 2020

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 16

**ДНИ ПАМЯТИ
ХУЦИЕВА И
ДАНЕЛИЯ**

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№2⁽¹⁷²⁾
Февраль 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 БИЗНЕС-ПЛАН «НАШЕГО ЗЯТЯ»
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 12 ДО САМОЙ СУТИ
ИГОРЬ ВИРАБОВ
- 16 ДНИ ПАМЯТИ ХУЦИЕВА И ДАНЕЛИЯ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 ЕДИНСТВЕННАЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 35 «НЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТАБЛИЦЫ УМНОЖЕНИЯ»
ОМАР ШУДРА
- 38 КОНСТАНТИН ЧЕРНЫШЕВ: «ЖИЗНИ БЕЗ ТЕАТРА
НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ»
НИНА ШАДУРИ
- 42 МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
ЛЕВАН ДОЛИДZE
- 46 ВКУСНЫЕ КНИГИ
АНАСТАСИЯ ЭРИСТАВИ
- 50 РЕЖИССУРА В ДИЗАЙНЕ ОДЕЖДЫ
ДАВИД ДЖАЛАГОНИЯ
- 52 ЛЕЧЕНИЕ НОСТАЛЬГИИ, ИЛИ КАЗАХСКАЯ
КУХНЯ В ТБИЛИСИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 54 УШЕЛ ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛАЯ...

На обложке – СТАНИСЛАВ ЛЮБШИН

Фото: Александр СВАТИКОВ

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ВОЛЕЙБОЛУ 125 ЛЕТ

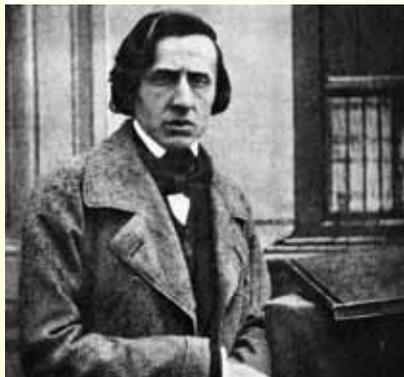

Мы знаем, что футболу официально 157 лет, и его придумали в Англии оксфордские студенты вместе с работягами-металлургами. Правда, на самом деле схожая игра была и в Китае, и в Древнем Египте, и у римских легионеров под названием «гарпастум», и в средневековой Италии под названием «флорентийский кальчо». Мы знаем и про другие игры с мячом. Ведь они были у человечества всегда. Скажем, мушкетеры Дюма играли во что-то похожее на теннис. Нам известно также, что в баскетболе мяч сначала забрасывался в самую настоящую старую корзину без дна, а команде победителей вручали живую индейку. А когда же появилась самая демократичная игра с мячом, в которую играли не только на спортивной площадке, но и на улице, на полянке, на пляже или во дворе, просто протянув на двухметровой высоте веревку? Мы говорим о волейболе. Так вот, 9 февраля 1895 года и была изобретена эта великолепная игра, то есть 125 лет назад в городе Холиоке американского штата Массачусетс. Придумал ее конкретный человек – молодой учитель Уильям Морган. Он смешал правила

нескольких игр, позаимствовал сетку от тенниса, только поднял ее на высоту 196 сантиметров. Сначала могли играть сколько угодно участников, столько, сколько разместятся на площадке. Нужно было просто перекидывать мяч на другую сторону. Но Морган решил игру усложнить. Он вместе с первыми игроками определился с количеством касаний мяча – не более трех, потом с числом игроков, и, наконец, с самым главным правилом – мяч нельзя брать в руки, а всегда держать на лету. Так игру и назвали – волейбол от «at the volley» (на лету) и «ball» (мяч). И теперь в него играют миллионы людей по всему миру.

ПОСЛЕДНЕЕ ФОТО

Мы привыкли, что облики многих великих людей прежних времен дошли до нас только в виде живописных работ. И до сих пор точно не известно, как выглядели титаны мировой культуры – Леонардо, Бах, Моцарт, Шекспир и Гете. Парадные или жанровые портреты не всегда точно их изображали. Мы до сих пор сетуем, что наш Пушкин не дожил нескольких лет до изобретения фотографии. А вот гениальный польский композитор Фредерик Шопен, представьте, дожил. Его убедили сфотографироваться друзья за несколько недель до его смерти. Уж неизвестно, какими аргументами они оперировали. Усталый, изможденный и совсем не старый человек стоит на улице у своего последнего места жительства в Париже на Вандомской площади, 12. И в его глазах читается многое – и прощание с жизнью, и досада на то, что успел не все. Он-то понимал, что смерть близка, что друзья хотят запечатлеть его прощальный образ. Шопен знал себе цену, как знали и все вокруг. Как говорил кто-то из знаменитых: «Шопен для поляков – то же, что и Моцарт для австрийцев». В конце февраля исполняется 210 лет со дня его рождения. Есть прекрасный повод послушать вальсы, мазурки и ноктюрны Шопена в исполнении, скажем, Беллы Давидович или Артура Рубинштейна.

ЦЫГАНСКИЙ ГЕНИЙ

Наш герой едва знал грамоту, ибо был манушем – французским цыганом с севера страны и в начальную школу не ходил. Он стал великим музыкантом, но при этом не знал нот. На его искаленной руке действовали всего два пальца, но он остался в истории музыки феноменальным гитарным виртуозом. Еще он был мистиком, верил гаданиям и боялся привидений, но при этом был отважным и бесстрашным. Азартный игрок в карты и в рулетку, он никогда не проигрывал, потому что хорошо умел играть. А еще этот человек, родившийся в цыганской повозке и исколесивший в детстве весь юг Европы и Северную Африку, обладал манерами наследного принца, имел безупречный вкус и был настоящим джентльменом и верным другом. Он безумно любил кино и с шиком носил широкополые гангстерские шляпы, и у него была ручная обезьянка. Его звали Жан-Батист «Джанго» Рейнхардт, и нынешний февраль отмечен его столетием.

Он начинал свою музыкальную карьеру в юном возрасте, играя еще на банджо в кабачке «Rose Blanche» – «Белая роза», что на Порт-де-Клиньянккур, где сейчас конечная станция 4-й линии метро. Там, у старой таможи, на краю пустыря у известного на весь Париж блошиного рынка разбивали бивуаки цыганские таборы. Вместе со своим братом Жозефом, игравшем на скрипке, наш герой аккомпанировал популярному итальянскому аккордеонисту Витезе Гуэрино. «Белая роза» была настоящая гангет – полубандитская таверна, где можно было посидеть за луковым супом, устрицами, жареной картошкой и бокалом белого вина, а потом потанцевать под популярные песенки. Джанго быстро прославился как замечательный гитарист. Особенно людям нравились мелодии, которые он тут же сочинял на ходу. Но случилась беда – в их таборе произошел пожар. Одна цыганка делала целлулоидные цветы

на продажу и опрокинула на их ворах свечу. Джанго бросился на помощь и получил жуткий ожог левой руки, от которого лечился в больнице почти полтора года. У него остались только два полноценных пальца. И за несколько месяцев Джанго научился ими управлять даже лучше, чем раньше. И снова продолжил выступать. Именно тогда, в начале тридцатых, Джанго и познакомился со своим верным партнером – скрипачом Стефаном Грапелли. Они создали ансамбль и перед войной стали невероятно популярны не только в Париже, но и по всей Европе. Даже с приходом немцев, которые не жаловали джазменов и отправляли в лагеря и газовые камеры цыган, Джанго нигде не уехал и не перестал играть в кабачках. Говорят, некоторые из фашистов, тайно любившие джаз, «прикрывали» его от гестапо. Когда же до него почти добрались их ищейки, Джанго ушел в скитания по Европе с выжившими цыганами и маленькими музыкальными группами. В конце войны он вновь вернулся в Париж, открыл свой

клуб «Фургончик» и написал мессу для органа, хора и струнных инструментов «Реквием по цыганским братьям». К сожалению, ныне этот шедевр утрачен – не сохранилось нот, а только отдельные фрагменты. Джанго влился в ряды высшей лиги мировых джазменов и даже концертировал в США с ансамблем Дюка Эллингтона. Но наступили новые времена и новый стиль – бибоп. Эра свинга начала угасать, и слава Джанго меркнуть. Прожил этот гениальный музыкант немного, всего 43 года, и далеко не все из его наследия сохранилось. Но как же хороша его музыка!

ЮБИЛЕЙ БОРИСА ПАСТЕРНАКА

В эпоху повсеместного распространения интернета пересказывать биографии великих людей стало делом неблагодарным. Как говорят молодые люди: «Гугл вам в помощь». Мы не станем переска-

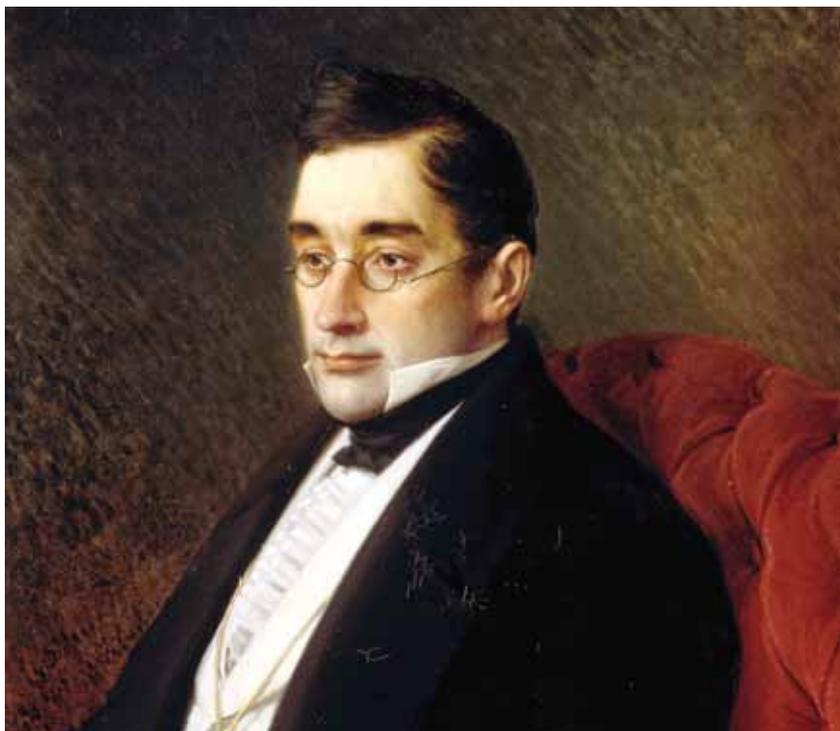

зывать события жизни гениально-го русского поэта XX века Бориса Леонидовича Пастернака. Скажем только, что ему на роду было написано стать незаурядным деятелем культуры, ведь появился он 130 лет назад в семье выдающегося художника – одного из немногих русских импрессионистов Леонида Пастернака, академика живописи. И в их доме бывали выдающиеся творцы того времени: Лев Толстой, Чехов, Нестеров, Левитан и Поленов, композитор Скрябин, ставший для мальчика кумиром и учителем. Ведь Борис сначала собрался в консерваторию, но семья и сам Скрябин его отговорили. Сохранились музыкальные сочинения будущего поэта, но они заметно юношеские и уж совсем ученические. Говорят, Скрябин сказал: стихи у тебя лучше. Это и предопределило будущее нашего поэтического гения. В историю русской литературы Борис Пастернак вошел как гениальный поэт, прозаик и переводчик, подаривший нам блестящие переводы трагедий Шекспира, драмы «Мари Стюарт» Шиллера и «Фауста» Гете. Прекрасные стихи грузинских поэтов благодаря ему стали известны российскому читателю. Рассказывать о его стихах не стоит, лучше их прочитать, как и его прекрасную прозу. И, конечно, сыгравший в его судьбе трагическую роль роман «Доктор Живаго», за который он был удостоен Нобелевской премии и подвергнут на родине страшной травле. Известный питерский артист Владимир Рецептер говорил о Пастернаке своему приятелю-футболисту «Зенита»: «Он для поэзии, как Пеле для футбола». Пастернак и человеком был достойным и, что нечасто встречается среди трепетных «служителей музы», бесстрашным. Он не боялся помогать

репрессированным в страшные годы сталинского террора – заступался перед Сталиным за сына А. Ахматовой, посылал посылки дочери Марины Цветаевой, не забывал семьи своих грузинских друзей-поэтов, Тициана Табидзе и Паоло Яшвили. Последние годы своей жизни Борис Леонидович провел на даче в подмосковном Переделкине, там же умер, там и похоронен. Когда на его похоронах районное партийное руководство попыталось не допустить массовой процессии, а людей проводить Бориса Пастернака собралось около четырех тысяч, его жена, Зинаида Николаевна, жестко им ответила: «Стрелять не будут».

Шествие состоит из рабочих и крестьян. Все его любили. Из-за этой любви никто не посмеет нарушить порядок». Своей второй родиной Пастернак считал Грузию, здесь жили его друзья, здесь он неоднократно бывал и здесь бережно хранят его память. Но не только для Грузии имя Пастернака знакомо и любимо. Однажды в Москву приехал известный и весьма экстравагантный кинорежиссер Квентин Тарантино. И, представьте, первое, что он сказал встречающим, спустившись с трапа самолета: «Ответьте меня на могилу Пастернака». И отвезли. Тарантино прислонился к памятнику поэта и под проливным дождем просидел долго-долго – оказывается, он с юности преклонялся перед Пастернаком и знал многие его стихи наизусть.

Александр Сергеевич Грибоедов

БИЗНЕС-ПЛАН «НАШЕГО ЗЯТЯ»

■ Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Нынешний год назван годом Грибоедова. Недавно на улицах Тбилиси репортеры провели блиц-опрос, что вы знаете о Грибоедове? Люди постарше отвечали со знанием дела. Юнцы пожимали плечами, мол, слышали, но забыли, кто это. Однако большинство отвечали эмоционально: «Чвени сидзе!» – «Наш зять!». Это говорит о многом – никто так, по-семейному, не назовет, скажем, мужей царицы Тамары. Грибоедов остался в памяти грузин не только писателем и дипломатом, но и самым почетным и любимым ближайшим родственником.

Александр Сергеевич Грибоедов прожил в Грузии, в общей сложности, всего около четырех лет, ставших для него судьбоносными. В Тифлисе он закончил первый вариант своего шедевра комедии «Горе от ума». В Тифлисе он обвенчался с прекрасной княжной Ниной Чавчавадзе. История их любви стала одной из самых светлых легенд, наполненной романтикой и трагизмом.

Первое пребывание Грибоедова в Тифлисе было недолгим, он провел три месяца в Грузии перед отъездом в Иран в январе 1819 года. В своем дневнике Грибоедов описывает, какое впечатление оказали на него природа, история страны, «живые свидетели прошлого» – старинные монастыри и крепости, пленительные «утренние песни грузинцев». Через десять лет, в 1828 году, на пике дипломатической карьеры, он напишет из Ирана в одном из писем о своих сокровенных желаниях: «Скажите Нине, что это продолжаться не будет и что скоро, не больше как через два года, я сделаюсь отшельником в Цинандалах». По многочисленным свидетельствам, Грибоедов решил оставить государственный пост, поселиться в Грузии, чтобы посвятить себя литературе и осуществлению своего глобального плана социально-экономического развития страны, которая стала для него второй родиной. Один из самых образованных и широко мыслящих людей свое-

го времени, Грибоедов был масоном, разделял прогрессивное стремление декабристов преобразовать общество. Нет нужды говорить об его отношении к московскому барству и высшему свету Петербурга – достаточно вспомнить не потерявшие актуальность и сегодня меткие фразы из «Горя от ума». В Грузии он увидел возможность реализовать свои идеи по развитию экономики и торговли края, которые вылились, говоря современным языком, в создание масштабного бизнес-плана – Проекта Закавказской компании.

В начале 20-х годов русская миссия находилась в Тавризе. Дипломатической задачей Грибоедова являлся сбор информации о стране, а также подготовка коридора транзитной торговли между Западной Европой, Россией и Ираном через Грузию. Работа над проектом велась в секретности от англичан, имевших большое влияние при шахском дворе. В свободное время он работал над комедией «Горе от ума», а также писал поэму «Путник» (или «Спутник»), от которой сохранился лишь отрывок – «Кальянчи». В основе произведения лежит реальная история освобождения из рабства мальчика-грузина, похищенного из Маркобинского селения (Марткопи). Грибоедов находился в Тавризе до конца 1821 года. В разгар ирано-турецкой войны ему было предписано прибыть в Тифлис к главноуправляющему войсками на Кавказе генералу Ермолову для доклада о положении дел в Иране. По пути из Тавриза Грибоедов сломал руку, и длительное лечение послужило одним из предлогов, чтобы остаться в Тифлисе в должности секретаря по «иностранной части» при Ермолове. По словам Грибоедова, это было время длительного «досуга», которым он воспользовался для изучения новой для него страны.

Описание Тифлиса тех лет живо представлено неизвестным автором в статье под неожиданным названием «Впечатления и воспоминания покойника». Автор был хорошо знаком с колоритом старого города, исходил ряды ремесленников, шумные базары, духаны и караван-сарай. О преобразовании города он пи-

Тифлис начала XIX века

шет следующее: «За большим мостом, на скалистом берегу Куры, построена генералом Ермоловым новая крепость Метехская... замок необыкновенного вида составляет лучшее украшение города. Тут военный ордонанс-гауз, арестантская для заключения важных преступников и больница их. Далее, по берегу, вверх реки, расположены немецкие колонисты до деревни Куки. Ниже моста, за Метехским замком, находится меньшая часть города, Авлабаром называемая, которая населена грузинами; в ней своя церковь и базар... Ниже Авлабара, версты две, красуется военный госпиталь на урочище, называемом Атлуг, где есть слободка госпитальных служителей и дома чиновников». Подробно описаны тбилисские сады, виноградники, винные погреба с «кувшинами», которые «бывают в несколько сот ведер, в которых иногда находили утопленников, неосторожных пьяниц. Лучшим из виноградных садов здесь почитается бывшего начальника артиллерии Ахвердова».

Упоминание об Ахвердове особенно ценно. А.С. Грибоедов, ставший желанным гостем в «лучших семейных кружках Тифлиса», часто посещал «дом Ахвердовой» – вдовы генерала – Прасковьи Николаевны, где

встречал к себе самое радушное отношение. В этом доме слышалась русская и французская речь, играли на рояле, танцевали, вели беседы о театре и литературе. Дом стоял в Сололаки на склоне горы и выходил террасой в чудесный сад с тенистыми аллеями. Флигель во дворе дома занимала семья князя Александра Чавчавадзе. Ахвердовы и Чавчавадзе были тесно связаны дружбой и родством». В доме Ахвердовых и встретил Грибоедов будущую жену Нину Чавчавадзе, которая была моложе его на семнадцать лет. «За ангельскую красоту, не вдаваясь в метафору, можно ее было назвать существом истинно неземным», – говорит о Нине в своих воспоминаниях офицер Федор Торнау.

Князь Александр Гарсеванович Чавчавадзе командовал в то время Нижегородским драгунским полком, стоявшем недалеко от его кахетинского имения Цинандали, куда неоднократно приезжал Грибоедов. Усадьба поражала современников сочетанием европейского благоустройства и богатством природы.

В архивах сохранились заслуживающие большого внимания две записки Грибоедова. В одной из них «О Гилани», написанной в начале 20-х годов, отразилось отношение дипломата к правам

малых народов, населявших Закавказье. По его мнению, необходимо управлять «по своим обычаям (т.е. местным), независимо от наших министерств». Во второй записке «О лучших способах вновь построить город Тифлис», написанной несколько позже, Грибоедов высказывает практические предложения по застройке города. В первую очередь, он призывает строить здания с учетом особенностей климата и не пренебрегать местными традициями, а именно сохранить «балконы» (аввани) и деревянные галереи вокруг домов: «Навес, который от кровельной застройки прикрепляется к столбам на аршин и более от стен, – пишет Грибоедов, – доставляет тень, благотворную в здешнем жарком поясе и препятствует кирпичу распекаться от жара... Дарбазы, в восточном вкусе, тоже для прохлады и здоровья чрезвычайно полезны (движение воздуха). Раскрытое строение обращать не на улицу», – советует он. С поразительной прозорливостью Грибоедов подошел к вопросу о строительстве мостов. Наличие единственного моста у Метехского замка создавало большие неудобства для сообщения между частями Тифлиса, разделенных Курой. Грибоедов предлагает «всего более... заботиться об

Танцы грузинок на плоской кровле

устроении моста против армянского монастыря или артиллерийского дома, или между сими двумя пунктами». В дальнейшем оказалось, что именно эти места оказались наиболее удобными: мост имени Бараташвили построен рядом с тем местом, где находился «армянский монастырь», а Воронцовский – вблизи «артиллерийского дома», который размещался на Инженерной улице. О сложностях перестройки старого района Кале Грибоедов пишет: «Каждый аршин земли дорого ценится, и потому, когда хотели привести в исполнение новые планы, – на всяком шагу нарушали права владельцев и тем возбудили справедливый ропот». Замечание не потеряло актуальности и спустя два столетия! Не прошли мимо внимания Грибоедова вопросы сохранения памятников старины. По приказу Ермолова камни древней крепостной стены были использованы для перестройки старинного замка Метехи в тюрьму, что также вызвало «справедливый ропот» населения. Военному губернатору Сипягину пришлось отдать специальное распоряжение гражданскому губернатору – Ховену, в котором говорилось: «Покорнейше прошу дать, кому следует строжайшее предписание, дабы никто не отваживался разрушать остатков крепостной стены в г. Тифлисе и брать оттуда материала для строений».

После назначения Паскевича на пост командующего войсками на Кавказе, Грибоедов получает большую свободу действий – новый начальник мало вникал в составление канцелярских бумаг. Решительные действия Паскевича в кампании против персов привели к значительным военным успехам: 10 февраля 1828 года был подписан мирный договор в деревне Туркманчай, по которому Персия уступала России Эриванское и Нахичеванское ханства, а также обязывалась выплатить 20 млн. рублей серебром контрибуции. Огромной заслугой Грибоедова является разработка статей Туркманчайского мирного договора.

Кроме того, Грибоедов активно содействует развитию экономики Грузии. В частности, оказывает поддержку купцу Каstellла, открывшему шелкомотальную фабрику в Тифлисе, а также построившему в Горийском уезде стекольный завод Э. Эристави. Много внимания Грибоедов уделяет «благородному училищу», преобразованному вскоре в гимназию. В конце 20-х годов представители передовой обществу Тифлиса безуспешно добивались разрешения на издание газеты; вопрос решился положительно только в конце апреля 1828 года, в то время, когда Грибоедов находился в Петербурге, что вряд ли можно считать простым совпадением. Первый

номер «Тифлиских ведомостей» вышел 4 июля 1828 года, а через несколько лет Пушкин дал газете высокую оценку, назвав ее «единственной между русскими газетами, имеющей своеобразную окраску и в которой встречаются статьи, представляющие действительно европейский интерес». Поскольку в Тифлисе в то время проживало много сосланных декабристов, то можно предположить, что некоторые из них сотрудничали с редакцией «Тифлиских ведомостей».

При участии Грибоедова в Грузии открылись несколько уездных училищ для лиц «свободного состояния», а также были учреждены училище восточных языков, коммерческий банк, обсуждался вопрос об организации публичной библиотеки. Но все эти начинания не отражают размаха государственного мышления Грибоедова. С середины 20-х годов Александр Сергеевич был захвачен идеей создания Российской Закавказской компании. Этот масштабный проект был сначала застопорен полугодовым арестом Грибоедова в конце января 1826 года в связи с восстанием декабристов, а также вновь вспыхнувшей войной с Ираном. Первые реальные шаги по продвижению проекта Грибоедов смог предпринять только в марте 1828 года, когда приехал в Петербург для представления Николаю I Туркманчайского мирного договора. Тогда же Грибоедов заручился поддержкой влиятельного министра финансов Егора Францевича Канкрин, который одобрил план создания компании. Позднее к написанию устава и некоторых глав проекта подключился чиновник для особых поручений на Кавказе Петр Демьянович Завилейский, рекомендованный министром Канкриным.

Перед отъездом Грибоедова в Иран в сентябре 1828 года в качестве полномочного министра-резидента, Проект Закавказской компании был представлен на рассмотрение лично Паскевичу и его администрации. Реакция высоких чиновников была предсказуемо негативной, однако идея создания компании уже получила резонанс в обществе. Газета «Тифлиские ведомости»

назвала Проект «исполинским предприятием», подчеркнув, что «все предположения по сему предмету основаны на самых ясных доводах, почерпнутых из фактов глубокого исследования края». Иными словами, проект имел реальную базу, был продуман до мелочей и охватывал такие важные для того времени вопросы, как переселенческий, судоходства по Куре, устройства порта в Батуми, эксплуатации казенных земель Закавказья, а также развития местной промышленности, транзитной торговли через Грузию. Чрезвычайно важно отметить, что Грибоедов и его единомышленники не рассматривали Грузию как удобную транзитную зону и сельскохозяйственную колонию. В Проекте уделено большое внимание развитию экономических ресурсов края (шелководство в районе Шемахи, виноделие в Грузии, хлопководство, бакинская нефть). Предполагалось основать фабрики и специальные школы для обучения ремеслам, пригласить из-за границы мастеров по выделке стекла, пряжи, шерсти, производства вин и т.д. По мнению Грибоедова, большинством акционеров должны стать местные землевладельцы, купцы, предприниматели.

«Ничто не скрепит так твердо и нераздельно уз, соединяющих россиян с новыми их согражданами по ту сторону Кавказа, как преследование взаимных и общих выгод», – подчеркивается в проекте.

В «бизнес-команду» Грибоедова входили исключительно прогрессивные настроенные деятели. Соавтор Проекта Петр Демьянович Завилейский, занимавший пост начальника Казенной экспедиции Верховного грузинского правительства, с 1829 года был назначен гражданским губернатором Тифлиса. Будучи противником крепостничества, он пытался улучшить положение крестьян. Это привело к постоянным конфликтам с крупными помещиками, уже через два года Завилейскому пришлось покинуть высокую должность. С пониманием к Проекту относились ставший в дальнейшем крупным фабрикантом, дипломат Иван Мальцов, промышленник Никита Всеволожский, военный губернатор Кавказа Николай Мартыанович Сипягин, женатый на сестре Всеволожского. Сипягин был сторонником торгово-экономического развития Грузии, по его инициативе устраивались ярмарки, были приглашены из Франции виноделы и «искусные

садовники», были открыты школы-мастерские для обучения слесарному и столярному делу.

Оговаривая в Проекте, что большая часть акционеров должна «состоять из помещиков и купцов закавказских», авторы, в первую очередь, имели в виду тестя Грибоедова князя Александра Чавчавадзе, наладившего производство вина в Цинандали. Во вступительной главе Проекта говорится: «В самый первый год может быть произведен значительный отпуск в Россию вина самого лучшего разбора». Потенциальным акционером компании следует считать Егора Чилашвили (Чиляева), человека широких взглядов, переводчика Монтестье и Мабли. Занимая должность прокурора, Чилашвили сумел добиться открытия в Тифлисе в 1824 году «Совестного суда», состоявшего из выборных представителей от всех сословий для разбора уголовных и гражданских дел. В 1827 году Чилашвили по поручению Министерства финансов занимался «финансовым обозрением» Грузии, заведовал канцелярией Тифлисского военного губернатора. После того, как попал в опалу, о нем трогательно заботился Грибоедов, по рекомендации и ходатайству которого перед главнокоманду-

Российская делегация при дворе персидского шаха

Нина Чавчавадзе

ющим на Кавказе, Чилашвили был восстановлен на службе. «Предположительно можно считать разделявшими взгляды Грибоедова в отношении компании К. Орбелиани, П.С. Санковского, редактора «Тифлиских ведомостей», и чиновника П.М. Сахно-Устимовича. О планах Грибоедова, вероятно, знали и другие чиновники, приехавшие с ним из Петербурга (Хомяков, Зубарев, Савостьянов, Яновский и др.). Считал себя участником компании и сослуживец Грибоедова, второй секретарь русского посольства в Иране К. Аделунг», — отмечает в своем подробном труде «Грибоедов в Грузии» исследователь И.К. Ениколопов.

Гражданскую позицию авторов Проекта наглядно отражает раздел «О переселенцах», в котором говорится, в частности, об армянах, «вновь перешедших в Российские пределы из-за Аракса». Их переселение проводилось на основании Туркманчайского договора, но оказалось неподготовленным и «приняло уродливый характер». Грибоедов собирался разместить их на землях

компании, а после утверждения устава выдать им достаточную сумму для обустройства. Однако положение переселенцев оказалось настолько тяжелым, что, не дожидаясь утверждения устава компании, Грибоедов принял необходимые меры для предоставления им свободных земельных участков, а также помог сохранить имущество, оставшееся в Иране.

В разделе «Касательно свободного мореплавания» подробно говорится о Батуми, находившемся тогда под властью Турции. Наличие порта-крепости Поти и Редута-Кале (Кулеви) не могли справиться с грузооборотом. Глубокая бухта Батуми была лучшим местом для обустройства порта и развития морских сообщений. Грибоедов видел Батуми «в черте наших границ... с дарованием прав порто-франко». Осуществить этот план удалось только спустя полвека в результате русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Учредители компании были настолько уверены в успехе предприятия, что не дожидаясь разрешения властей, приступи-

ли к практическим действиям. В частности, получили разрешение на рейсы новомодных паровых судов между Одессой и Кулеви, Астраханью и Баку. Александр Чавчавадзе начал заниматься в Армении мареноводством — выращивать марену для производства ценного текстильного красителя. Из Франции был выписан известный винодел Лену, из России приехали бочары и т. д. Однако энтузиасты не учли инертности мышления сановников. Перспективы развития компании с привилегиями на 50 лет, закрепление крестьян за компанией опять-таки на 50 лет, попросту напугали всесильных кураторов. Грибоедов и его соратники предлагали прогрессивный, капиталистический по сути метод производства, неприемлемый в крепостнической империи. Великолепно разработанный план давал беспроигрышный шанс превратить Грузию, израненную бесконечными войнами, в экономически процветающий край с современным социальным устройством, ослаблением крепостничества, развитой торговлей. Но Проект был похоронен в недрах архива Паскевича, а затем и его заместителя, барона Розена. Либеральный дух Проекта противоречил колониальной политике царизма на Кавказе, реакционным тенденциям, укрепившимся после неудачного восстания декабристов. Неудивительно, что правительство приняло всяческие меры для пресечения планов основания Закавказской компании.

10 октября 1828 года в Тбилиси, при загадочных обстоятельствах, скончался Н. Сипягин. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» писал: «Генерал С[ипягин], говорят, умер оттого, что его домовой лекарь, приехавший с ним из Петербурга, испугался приема, предлагаемого тамошними докторами, и не дал его больному». Один из биографов Сипягина заявляет, что смерть его была вызвана тем, что врачи «предписали сильный прием ртути». Тело Сипягина было скрытно вывезено в Коджори и там погребено, несмотря на высказанное Сипягиным перед смертью «желание быть похороненным в России». По распоряжению Паскевича была учреж-

Цинандали

дена «следственная комиссия для приведения в известность всех казенных денежных сумм, находящихся в распоряжении» Сипягина. Все домашнее имущество Сипягина было вынесено на улицу и распродано с торгов. Опекуны над имуществом покойного – Н. Всеволожский и А. Жадовский не успели даже принять каких-либо мер. При столь же загадочных обстоятельствах скончались спустя некоторое время камер-юнкер Ф. Хомяков и купец Кастелла, потенциальные акционеры компании.

«Опале подвергся в это время, (конец октября 1828 года), и другой предполагаемый крупный участник компании – А. Чавчавадзе. Командуя самостоятельным отрядом, действовавшим в Турецкой Армении, он захватил Баязетский пашалык. Однако вместо благодарности Чавчавадзе получил строгий выговор и был, в конце концов, вовсе удален с театра военных действий. Такой же была участь генералов В. Вольховского, Н. Раевского и других, разделявших идеи авторов Проекта», – пишет К. Еникопов.

Но самой трагической оказалась судьба самого Александра Сергеевича Грибоедова. Еще в Петербурге перед отъездом в Персию Грибоедов говорил литератору Ксенофону Полевому: «Я уже столько знаю персиян, что

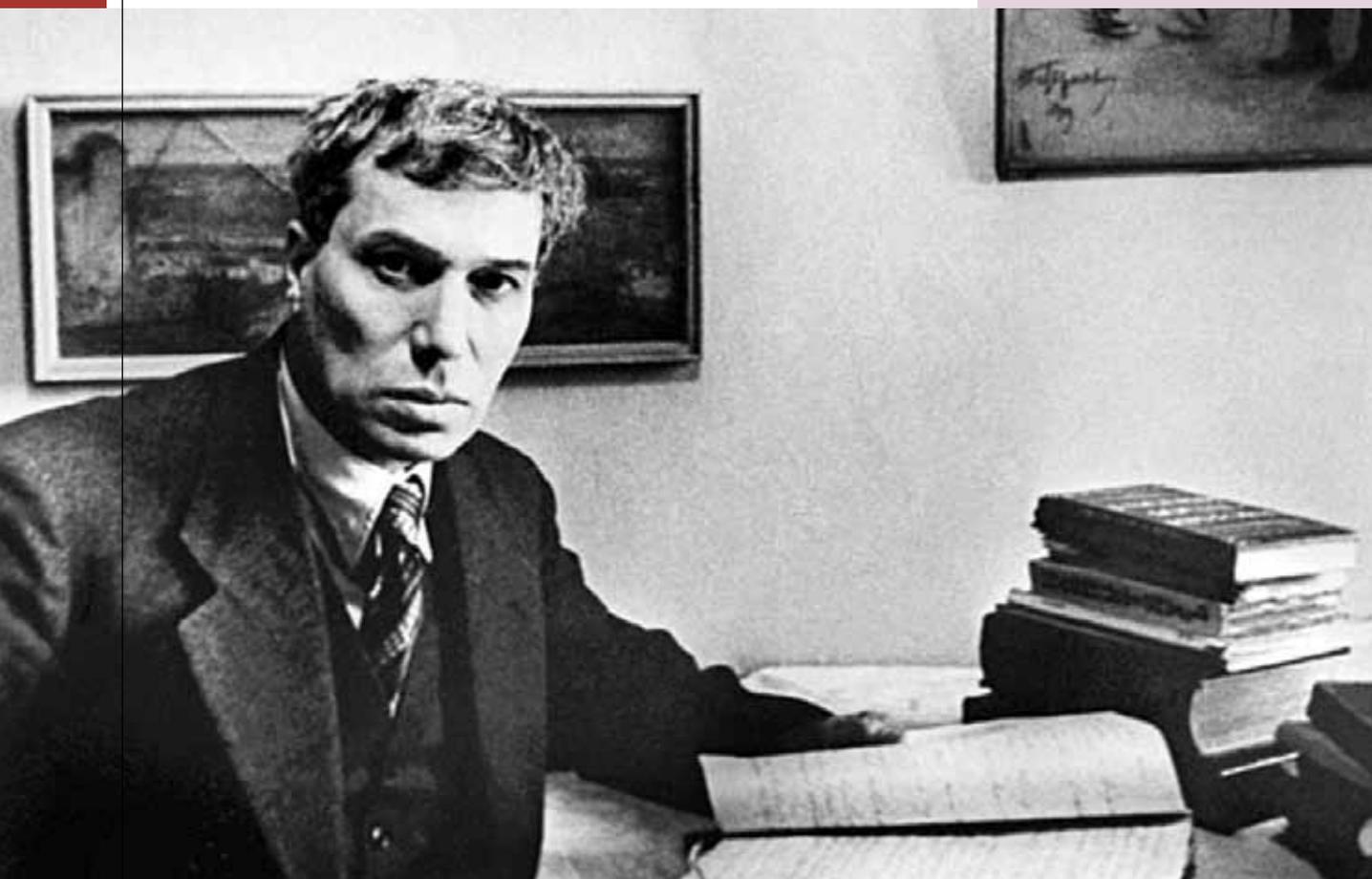
для меня они потеряли свою политическую сторону. Вижу только важность и трудность своего положения среди них и, главное, не знаю сам, отчего мне удивительно грустно ехать туда!». Сообщая другу, переводчику и драматургу Андрею Жандру о своем назначении послом в Персию, Грибоедов заметил: «Нас там всех перережут. Аллаяр-хан личный мой враг... Не подарит он мне ключичного с персиянами мира!»

...С дороги в Тегеран Грибоедов писал жене почти ежедневно, но из этих писем сохранилось только одно от 24 декабря 1828 года: «Бесценный друг мой, жаль мне, грустно без тебя как нельзя больше. Теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя, и тоска исчезала, теперь чем далее от тебя, тем хуже. Потерпим еще несколько, ангел мой, и мы будем молиться Богу, чтобы нам после того никогда более не разлучаться». Затем письма стали приходить реже, потом поползли зловещие слухи о страшных событиях в Тегеране. Нина находилась в Тавризе, когда подтвердился самые страшные вести о резне в русском посольстве и гибели Грибоедова. От Нины решили скрыть трагические известия и уговорили выехать к матери в Тифлис. Здесь о смерти мужа

ей сообщила жена Ивана Паскевича – Елизавета Алексеевна. С Ниной сделалась истерика, и на другой день она преждевременно разрешилась. Ребенок прожил всего несколько часов. До конца жизни безутешная вдова осталась верна памяти мужа.

Исследователь деятельности декабристов, автор книги «Грибоедов и декабристы» академик Милица Васильевна Нечкина пишет: «После восстания декабристов те мечты об общем буржуазном преобразовании России, которые делил с ним Александр Бестужев, рухнули. Творческая энергия Грибоедова, его страстное желание изменить мир ищут выхода. Он проектирует частичное осуществление процветания нового хозяйственного типа в далеком краю, где некогда властвовал Ермолов, в краю, куда не всегда дотягивается рука правительства, где может быть искусственно ослаблен крепостнический гнет. Проект Грибоедова и Завилейского правительство отвергло, забракowało, оно не признало его «своим», что вполне понятно».

Понятны и устремления Грибоедова, он мечтал видеть землю, на которой он обрел любовь и семейное счастье, процветающей, стабильной. Поистине, «ум и дела твои бессмертны» и в памяти русских, и в памяти грузин.

Борис Пастернак

ДО САМОЙ СУТИ

ПОЧЕМУ У БОРИСА ПАСТЕРНАКА В ЖИЗНИ ВСЕ НЕ ЛОГИЧНО?

■ **Игорь ВИРАБОВ**

Надо напомнить? Наугад. Коснись – и строки сами сыплются. Ну, самые. Февраль. Достать чернил и плакать. Мело, мело по всей земле во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела. Никого не будет в доме, кроме сумерек. Быть знаменитым некрасиво. Любить иных тяжелый крест. Во всем мне хочется дойти до самой сути.

Или вот это. Гул затих. Я вышел на подмости.

Автор этой россыпи, поэт Борис Пастернак, родился 130 лет назад. К концу его жизни, в 1957 году, в Милане вышел в свет его роман «Доктор Живаго». Через год поэту придется отказаться от Нобелевской премии. История известная. У нас этот роман появится лишь через три десятка лет, в 1988-м. К этому времени автора давно в живых

не будет. Но перед смертью его успеют обозвать «свиньей» и, «не читая», осудить за нелюбовь к «народу». Но это явные недруги. Есть еще доброжелатели. Они не против Пастернака – просто перемигиваются между собой: конечно, травля вещь постыдная – но мы-то понимаем, что роман его так себе. «Жалкая вещь», – через губу сказал Набоков (которому не дали премию).

Но с Пастернаком выходило, в самом деле, что он всегда один, вокруг все тонет в фарисействе.

Нобелевскую драму Пастернака, как борщ, нашпиговали и политикой, и хрущевским самодурством оттепели, и заговором заграничных спецслужб, и бурными любовными ингредиентами. Только изменилась конъюнктура – поднялось соревнование за близость к Пастернаку. Локтями двигали, друг друга уличали. Кто как голосовал. Кто что подписывал. Кто не засветился на похоронах. А кто в восьмидесятых не помог родным поэтам, когда их выдворяли из переделкинского дома: вещи в окно, рояль Нейгауза не пролезал, отпилили лишнее. Кто добивался, чтобы здесь открыли Дом-музей. Тайные пастернаколюбы выявляли скрытых пастернакофобов. Полк смельчаков, учеников, приверженцев, поклонников, друзей, как только стало можно, с годами вырос на дрожжах.

А в сущности – сменились роли, лица, плюс на минус, но «все осталось по-прежнему –

двойные дела, двойные мысли, двойная жизнь» (как писал поэт, когда лишь брался за роман).

В Переделкино, на дощатой веранде Дома-музея, его хранительница, внучка Пастернака, доктор филологии Елена Леонидовна, на это отвечала мне на редкость примирительно: «Не знаю, можно ли винить людей в том, что они в тяжелое время не ведут себя героически. Самого Пастернака в свое время тоже сильно упрекали, скажем, что он не помог Марине Ивановне Цветаевой, когда она вернулась из-за границы. Когда у нее не было дома, всю семью арестовали, и с ней случилась вся эта ужасная история. Он ведь действительно ей не помог. Хотя я прекрасно помню его письма, я помню, как он хотел вот эту верхнюю веранду отдать Цветаевой с сыном, чтобы она тут жила. Вот он хотел. Вот он не отговорил ее от эвакуации. Вот он сделал массу, как он потом говорил, роковых шагов, которых мог бы не делать. Просто – вот так сложилось».

Академик Дмитрий Лихачев в конце восьмидесятых назвал роман «Доктор Живаго» «духовной автобиографией» Бориса Пастернака. Но эта исповедь о вечной двойственности интеллигенции, определяющей судьбу России, в конечном счете стоила поэту нервов, крови, жизни.

В начале «Доктора Живаго» 10-летний мальчик на могиле матери. «Летевшее навстречу облако стало хлестать его по рукам и лицу мокрыми плетями холодного ливня». И от этой увертюры идет судьба. Пугающее в ней – когда вокруг остаются лишь две краски: «Все освещенное казалось белым, все неосвещенное – черным. И на душе был такой же мрак упрощения, без смягчающих переходов и полутеней».

Тонкость оттенков составляет радость жизни. Так у Пастернака. Так у его «Спекторского»: «Едва касаясь пальцами рояля, он плел своих экспромтов канитель». Так и его Живаго повторяет героине своей жизни Ларе – что не любит слишком добродетельных и слишком «правых,

не падавших, не оступавшихся»: им не откроется «красота жизни».

Плохие книжки, говорил устами своего Живаго Пастернак, делят всех живущих на два лагеря – «а в действительности все так переплетается! Каким непоправимым ничтожеством надо быть, чтобы играть в жизни только одну роль, занимать одно лишь место в обществе, значить всего только одно и то же!»

Сам Пастернак, сын пианистки и художника, все время озадачивал, срезал, запутывал сюжетом своей жизни. Он не был однозначен. Приходит после многих лет занятий музыкой (сохранились две его прелюдии и фортепианная соната) к своему кумиру, композитору Скрябину, с вопросом: посвящать ли этому жизнь? Тот отвечает: безусловно. И Пастернак решает: значит, надо поступить наоборот.

Внучка поэта, Елена Пастернак: «Он прямо пишет – я загадал, если Скрябин скажет мне так-то и так-то, это будет означать, что мне надо бросить музыку. Абсолютная алогичность, мистичность – но ты принимаешь обратное решение, потому что уже загадал. Он любил так «загадывать» – при этом не был склонен ни к какой практической мистике. Только к различ-

ным совпадениям относился с тревогой и вниманием – и это видно в «Докторе Живаго». Есть даже выражение такое – «феномен Живаго». Это когда люди совпадают во времени и пространстве, но не знают об этом. В романе Пастернака это основополагающий момент сюжета».

Из тех же странностей. Пастернак окончил университет в Москве, но за своим дипломом философа так и не зашел. Через много лет, в войну, вместо себя отправит брата-архитектора получить медаль «За оборону Москвы» (поэт дежурил с футуристом Казиным на крышах, сбрасывал зажигательные бомбы, ездил с писательской бригадой на фронт). Зачем поэту тратить время на формальности.

Родители и сестры останутся за границей (из Берлина переедут в Лондон), а Пастернак не вынес там, вернулся с младшим братом. Где революция – там место футуриста. Рядом с «Левым фронтом» Маяковского. «Привыкли выковыривать изюм / Певучестей из жизни сладкой сайки, / Я раз оставить должен был стезю / Объевшегося рифмами всезнайки».

Кипели сборники стихов и страсти. «Сырое утро ежилось и дрыхло». Женился на художнице Евгении Лурье и стал отцом, развелся и женился на Зинаиде

Анна Ахматова и Борис Пастернак

Дом-музей Б. Пастернака в Переделкино

(которая развелась с пианистом Генрихом Нейгаузом), и снова стал отцом. За «Сестрой моей – жизнью» – сборник «Второе рождение», роман в стихах «Спекторский», поэмы «Девятьсот пятый год» и «Лейтенант Шмидт». «Скрещенья рук, скрещенья ног, судьбы скрещенья» связали в узел: страсть-Христос-и-революция.

Первый съезд писателей в 1934-м приветствовали метростроевцы. Пастернак рванул из-за стола президиума – снять с плеча работницы неподъемный с виду отбойный молоток. Но девушка отбилась от поэта: молоток ей был предусмотрен по сценарию. Смеялись. А поэт сказал с трибуны: «Когда я в безотчетном побуждении хотел снять с плеча работницы метростроя тяжелый забойный инструмент, названия которого я не знаю, но который оттягивал книзу ее плечи, мог ли знать товарищ из президиума, высмеявший мою интеллигентскую чувствительность, что в этот миг она в каком-то мгновенном смысле была мне сестрой, и я хотел помочь ей, как близкому и давно знакомому человеку».

И далее – в ответ насмешнику – предостерег коллег: «При том огромном тепле, которым окружает нас государство и народ, слишком велика опасность стать литературным сановни-

ком. Подальше от этой ласки во имя ее прямых источников, во имя большой и дельной, и плодотворной любви к родине и нынешним величайшим людям».

Елена Пастернак: «Очень часто упрекали Пастернака в нарочитой, картинной, показной любви к земле и народу, говорили, что он играет в народ, но эта любовь была подлинная».

В тридцатых многое менялось. Пастернака не отпускают утраты и смерти. Есенин, Маяковский, позже Мандельштам. И этот странный разговор со

Сталиным. Вождь позвонил спросить о Мандельштаме: это в самом деле «мастер»? Пастернак ответил: надо бы поговорить вообще о жизни и смерти. Сталин трубку положил. Это последний разговор, но далеко не первый. Не ясно, сколько раз поэт встречался и беседовал с вождем по телефону. Посвящал вождю стихи, но кто тогда не посвящал (включая Мандельштама и Ахматову). Подарил вождю свой сборник переводов грузинской поэзии. Просил за мужа и сына Ахматовой – тех немедленно освободили. Как и Мандельштама – в тот первый раз.

Все это Пастернак все чаще называл «скандалностью своего положения». Отвертелся от настойчиво предложенной ему негласной ниши «первого поэта». И в письмах: «Это страшно меня угнетает, и я чувствую себя виноватым». При этом – «живу я незаслуженно хорошо,.. с такой совершенной внутренней свободой,.. как я хотел, со всеми осложнениями и горестями...».

Тут мостик прямо в центр далекого Тбилиси. В мемориальную квартиру Тициана Табидзе. Внучка поэта, Нина Асатиани, водила меня по комнатам старого дома, вспоминая искрометные истории: когда жизнь поэтов была ключом. Пастернака в Тбилиси звал поэт Паоло Яшвили. Оба они, Паоло с Тицианом, учились в той же Кутаисской гимназии, где и Ма-

Гиви Андриадзе, Зинаида Нейгауз-Пастернак, Нина Макашвили и Борис Пастернак

Борис Пастернак, Владимир Маяковский, Тамизи Найто, Арсений Вознесенский, Ольга Третьякова, Сергей Эйзенштейн и Лиля Брик, 1924 г.

яковский. Великий футурист был тамадой на свадьбе Тициана. В этой квартире, за огромным столом с короткими ножками умещались и Есенин, и Маяковский, и Белый, и Мандельштам. В 1937 году погибнут оба жизнелюба-фаталиста, и Паоло, и Тициан – под присмотром Берии, тогдашнего грузинского руководителя. Пастернак тогда отправит телеграмму жене друга, Нине Табидзе: «У меня вырезали сердце. Я бы не жил, но у меня теперь две семьи – моя и ваша». С тех пор их семьи неразлучны.

Когда на Пастернака свалятся все Нобелевские напасти, рядом будут Табидзе. Внучка рассказывает: «Доктора Живаго» он начинал писать на листах бумаги Тициана, которые дала ему вдова. Такие вот серебряные связи.

Загадка: Сталин остался для Пастернака важной фигурой жизненного эпоса, смерть его для поэта, как высокая трагедия. Зато Хрущев останется ничтожеством, холуем, предавшим своего хозяина. Мифическая оттепель – у Пастернака ощущение одно: «Мне кажется, на этот раз сговорились меня слопать».

За год до смерти Пастернак напишет Дмитрию Поликарпову, заведомо культуры ЦК КПСС: «Страшный и жестокий Сталин не считал ниже свое-

го достоинства исполнять мои просьбы о заключенных и по своему почину вызывать меня по этому поводу к телефону. Государь и великие князья выражали письмами благодарность моему отцу по разным негосударственным поводам. Но, разумеется, куда же им всем против нынешней возвышенности и блеска... Повторяю, писать могу только Вам, потому что полон уважения только к Вам и выше оно не распространяется».

Но в «Докторе Живаго» дядя главного героя, бывший священник Веденяпин, не скрывает ненависти к «сангвиническому свинству жестоких, оспоку изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий поработитель».

Внучка поэта заметила однажды в интервью: о Пастернаке часто говорили, что он «очень ловко и легко сумел пережить сталинское время, но погиб от оттепели, от ее последствий». Но умер он от окружавшей пошлости. «Слово «пошлость» даже звучало во время его прощания с семьей. Он говорил, что рад тому, что покидает мир, полный пошлости».

* * *

Первым названием «Доктора Живаго» было – «Смерти не будет». Потом – «Мальчики и девочки». Пастернак выстраивал ряд из четырех поэтов, ко-

торые по-настоящему отражают XX столетие. «Герой должен будет представлять нечто среднее между мной, Блоком, Есениным и Маяковским». «То, что было крупно и своевременно у Блока, должно было постепенно выродиться и обесмыслиться в Маяковском, Есенине и во мне. Это тягостный процесс. Он убил двух моих товарищей и невысказанно затруднил мою жизнь, лишив ее удовлетворенности».

«Блок ждал этой бури и встряски». «Есенин к жизни своей отнесся как к сказке».

Маяковский «в отличие от игры в отдельное разом играл во все – играл жизнью». И Пастернак не мог «избавиться от ощущения действительности как попорченной сказки».

Он написал для сказки жизни финал эпический. «Доктор Живаго» завершился строками стихов: «Вдруг кто-то в потемках, немного налево / От яслей рукой отодвинул волхва, / И тот оглянулся: с порога на деву, / Как гостя, смотрела звезда Рождества».

«Судьба как будто берегла его для этой истории с Нобелевской премией, последующей скоротечной болезнью и смертью», – сказала внучка.

«Как хорошо на свете! – подумал Живаго. – Но почему от этого всегда так больно?»

Российская газета – Федеральный выпуск N 27(8081)

ДНИ ПАМЯТИ ХУЦИЕВА И ДАНЕЛИЯ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Поздней осенью в Тбилиси пришла «оттепель». И горожане ощутили легкое волнение – словно в ожидании весеннего обновления. Правда, не все, а только те счастливики, кому удалось попасть в театр имени А.С. Грибоедова на вечер памяти классиков мирового кинематографа – режиссеров Марлена Хуциева и Георгия Данелия, организованный продюсерским центром «М Премьера» и международным культурно-просветительским союзом «Русский клуб».

ВЕЛИКИЕ ТВОРЦЫ НЕ УМИРАЮТ!

В начале своей кинодеятельности Хуциев и Данелия стали выразителями исторической эпохи «оттепели», наступившей после кончины вождя всех времени и народов и продолжавшейся десять лет. Целых десять лет относительной либерализации общественной жизни, свободы слова и ослабления тоталитаризма. Это нашло отражение

в особой атмосфере картин Марлена Хуциева и Георгия Данелия того периода – таких, как «Июльский дождь», «Мне двадцать лет», «Я шагаю по Москве». Вечер, посвященный этим выдающимся режиссерам, начался с кадров из их фильмов. Под знаменитый вокализ из фрагментов записей вокального октета «The Swingle Singers» (альбом «Jazz Sebastian Bach», «Sinfonia from Partita No.2 in C Minor, BWV 826») – музыкальную тему фильма «Июльский дождь». Этот интересный ход, придуманный киноведом, продюсером Вячеславом Шмыровым – режиссером-постановщиком и ведущим вечера (вместе с директором театра Грибоедова Николаем Свентицким), окунул публику в будоражащую атмосферу того времени. А потом кинолента стала раскручиваться, потекли воспоминания, зазвучали песни и мелодии из фильмов, ставших киноклассикой. И зрительный зал (переаншлаг!!!) стал участником этого удивительного по своей эмоциональной насыщенности сеанса киномании.

На этот сеанс в Тбилиси приехали лучшие из лучших – народный артист России Станислав Любшин, заслуженная артистка России Валентина Титова, заслуженная артистка России Ольга Машная, Елена Коренева, народный артист России Дмитрий Харатьян, вдова Георгия Николаевича – актриса, режиссер Галина Данелия.

Открыл вечер Николай Свентицкий. В частности, он сказал: «Сегодня мы отдаем дань нашей светлой памяти двум великим режиссерам, двум великим тбилисцам – Марлену Мартыновичу Хуциеву и Георгию Николаевичу Данелия. Тяжелый выдался год, 2019-й... От нас ушли неповторимые люди. Ушли. Но остались навсегда. Что они нам оставили в завет? Может быть, в тяжелую минуту мы скажем: «А на нашей улице весна!» Даже если эта улица не Заречная. В горестную минуту, когда я буду уже не очень молод, я вспомню фильм Хуциева и Шпаликова и воскликну: «Мне 20 лет!». В скорбную минуту я скажу своему другу: «Ар даидардо! Не горюй!» В страшную минуту я, как герой фильма «Паспорт», скажу: «Ар месролот, дзмебо! Не стреляйте, братья!» Спасибо за надежду, спасибо за веру в людей!»

Эту ностальгическую интонацию поддержало выступление Давида Гвелесиани и группы «Ари-ли», исполнивших песни из фильма «Не горюй!».

«Прошло 50 лет, как картина «Не горюй!» вышла в прокат, – отметил Вячеслав Шмыров. – И все эти годы она безупречно выполняла одну важную миссию – была визитной карточкой Грузии во всех регионах России и во многих частях мира. Это не случайно. Был такой момент в жизни Георгия Николаевича, когда он искал новую тему. В тот период он еще не до конца себя нашел как автор, художник. И мама режиссера посоветовала ему роман Клода Тилье «Мой дядя Бенжамен». Его поставили тогда и во Франции, но такого успеха, какой имела грузинская версия, тот фильм не имел. Данелия снял замечательную историю о том, что люди должны любить друг друга, и эта любовь будет передаваться через десятилетия».

Выступил и замечательный грузинский режиссер, народный артист СССР Эльдар Шенгелая: «Сегодня мы вспоминаем двух классиков миро-

вого и советского кино Марлена Хуциева и Георгия Данелия. Каждый из них создал свою эпоху. Фильмы Марлена Хуциева «Весна на Заречной улице», «Два Федора», «Мне двадцать лет», «Июльский дождь» в то время стали большим событием. Но они не утратили своей актуальности и на сегодняшний день, потому что это шедевры. Эпоха Георгия Данелия – это тоже целый мир, который вошел в жизнь каждого зрителя и стал ее частью. Два фильма Гии, «Мимино» и «Не горюй!», принадлежат одновременно и русской, и грузинской культуре. Я был в Москве, когда Данелия показывал в Доме кино «Не горюй!». Фильм был принят очень хорошо! Я горжусь своей дружбой с Хуциевым и Данелия. Оба были добрыми, скромными, любящими людьми! Великие творцы не умирают – они будут жить вечно!» В завершение своего выступления Эльдар Шенгелая предложил открыть в Тбилиси звезду Марлена Хуциева (звезда памяти Данелия уже существует).

«Праздник, который всегда с тобой» – названием книги воспоминаний Эрнеста Хемингуэя свое отношение к памяти Георгия Данелия и Марлена Хуциева выразил актер и режиссер, народный артист Грузии Георгий Кавтарадзе, снявшийся в легендарном «Не горюй!».

Бурными овациями встретили зрители Станислава Любшина:

«Я очень счастлив и горд, что оказался в Грузии. Это для меня очень-очень дорогое! Я впервые познакомился с грузинской культурой в 1957 году на международном фестивале молодежи и студентов – увидел ансамбль Илико Сухишвили и Нино Рамишвили. Я объявлял выход на сцену Нани Бреговдзе, будучи тогда студентом Щепкинского училища. Я услышал грузинское многоголосие и был потрясен тем, как эти музыканты чувствуют друг друга. Мы сегодня вспоминаем двух великих людей, которые принадлежат грузинской и русской культуре. Всей мировой культуре! И это не громкие слова. Есть кинематограф Феллини, Хуциева, Данелия... Это потрясающие режис-

Николай Свентицкий и Вячеслав Шмыров

серы! В их фильмах – любовь к человеку, глубокое понимание его, свобода! Марлен Хуциев – первый режиссер, который открыл мне путь в кинематограф. Я буду долго носить его в своем сердце».

В этот вечер Станислав Любшин вспоминал тех великих грузин, с кем ему довелось работать, встречаться: Отара Мегвинетухуцеси, игравшего на сцене МХАТ в спектакле «Антигона» Ж. Анюя, Кахи Кавсадзе, Темура Чхеидзе, поставившего в Московском художественном театре спектакль «Обвал» М. Джавахишвили.

Вообще на вечере царила удивительно душевная атмосфера, что отметила в своем выступлении Ольга Машная.

Авторы вечера представили Георгия Данелия не только как режиссера, но и в качестве актера: он появлялся в своих картинах в эпизодических ролях, а еще в детстве сыграл в фильме «Георгий Саакадзе». «Актером Данелия себя не считал, но в 1970-е годы была традиция оставлять такую почеркушку в своих картинах, – отметил В. Шмыров. – Так делали и Рязанов, и Гайдай». Показали и юющего Данелия – он исполнил с экрана песню на стихи Геннадия Шпаликова и музыку Гии Канчели «Людей теряют только раз». Возникло горькое, щемящее чувство. Гении уходят, уходят... Сколько невосполнимых

потерь!

По мнению Дмитрия Харатьяна, эти две фигуры – Данелия и Хуциева – сближает не только кино, движение шестидесятников и грузинское происхождение, но и личность Геннадия Шпаликова. Стихотворение поэта, прочитанное актером, словно обозначило эту связь: «Я шагаю по Москве как шагают по доске. Что такое – сквер направо. И налево тоже сквер. Здесь когда-то Пушкин жил, Пушкин с Вяземским дружил...».

Д. Харатьян рассказал о нереализованном замысле Марлена Хуциева, мечтавшего снять фильм о Пушкине с ним в главной роли. «Марлен Мартинович несколько раз возвращался к этому проекту – очень хотел снять картину. Не сложилось. Но это нас связало!». Харатьян завершил свое выступление шедевром Булата Окуджавы «На фоне Пушкина снимается семейство».

У Хуциева был еще один большой нереализованный замысел – он начал работу над картиной об исторической встрече Льва Толстого и Антона Чехова «Невечерняя», но, увы, не успел ее завершить. На вечере показали отснятый материал.

Вечер памяти обогатили эмоциями выступления певцов – они сопровождались кадрами из фильмов Данелия и Хуциева. Дато Отиашвили исполнил песни из фильма «Весна на За-

Галина Данелия

речной улице», дуэт Нино Гоциридзе и Ладо Джанелидзе – из картины «Мимино» («Приходит день...»), Нино Кикачеишвили – из «Афони» («Милый че»). Два выступления напомнили «Июльский дождь»: Олег Мчедлишвили спел «Не верьте пехоте», Ника Джинчарадзе (вокал, гитара) и Григорий Папаян (гитара) подготовили для вечера песню «Спокойно, дружище, спокойно!»). Обе написал легендарный бард Юрий Визбор. Датуна Мгеладзе исполнил суперпопулярную «Я шагаю по Москве».

Дни памяти не ограничились одним вечером. Организаторы привезли лучшие образцы современного российского кино – «Лето» К. Серебренникова, «Ван Гоги» С. Ливнева, «Одесса» В. Тодоровского, «Хэппи энд» Е. Шелякина, а также картины М. Хуциева («Июльский дождь») и Г. Данелия («Ку Киндза-дза», мультипликационную версию). Показ прошел в малом зале Грибоедовского театра.

«НЕТ, Я НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ»

Среди гостей, принявших участие в Днях памяти Марлена Хуциева и Георгия Данелия в Тбилиси, была звезда театра и кино – тонкая, глубокая актриса Елена Коренева, снявшаяся в фильмах лучших советских и российских режиссеров. Она много работает и сегодня. Недавно сыграла сразу в двух

картинах, представленных в Грузии: «Лето» и «Ван Гоги». Корреспондент «РК» взял у нее интервью.

– Прошли почти два десятилетия с тех пор, как вышел в свет ваш роман-биография «Идиотка», ставший бестселлером. Отличается ли нынешняя Елена Коренева от автора этого произведения? Изменились ли вы?

– Мне кажется, что-то, конечно, меняется, пересматривается, развивается. Меняются определенные представления о жизни, но в каких-то фундаментальных вещах – нет. Добро – это добро, зло – это зло. Надо различать. Книгу я писала в 1999-2000 годах и была уже зрелым человеком. И могу сказать, что мое отношение к жизни, взгляды с годами не изменились.

– Фундаментальные основы личности не меняются?

– Я не говорю про других, потому что не знаю – говорю про себя.

– Название вашей книги «Идиотка» сразу же отсылает к роману Достоевского. Вы имели это в виду, когда выбирали название?

– Конечно. Это такое своеобразное вышучивание, игра. Игра в расчете на ассоциации со всем известным романом. Я выбрала название, когда уже все написала. Шутя я обсуждала со своими близкими названия – их предполагалось несколько, советовалась, какое им больше нравится. И поняла, что все предпочитают название «Идиотка», даже моя мама.

– Почему вы обратились к литературному труду? От отчаяния, желания исповедаться? Или потому, что к тому времени действительно устали от актерской профессии, о чем сами говорили в одном из интервью, и решили попробовать себя на другом поприще?

– Мне всегда нравилось писать, что-то понемножку сочинять. До того, как я села писать «Идиотку», окончила Высшие режиссерские курсы в мастерской Александра Наумовича

Митты. Нас учили сценарному делу и режиссуре. И мне это помогло, придало уверенности. Мне преподавала знаменитая сценаристка Наталья Розанова. Тот же Митта научил структуре сценария, законам драматургии: вступление, развитие, кульминация, развязка, определенная динамика, юмор, грусть... А в основе моих занятий было желание проявить себя в литературном жанре. К тому же имел значение еще один момент: появлялось очень много публикаций, интервью, где перебирали факты моей жизни или кто-то высказывался по моему поводу. Я делилась с подругой своим возмущением и негодованием. И она сказала мне: вместо того, чтобы сводить счеты с журналистами, просто сядь и напиши книгу. Формально это стало толчком для меня. Но как писать книгу, я все равно не имела представления. Не была убеждена, что у меня это получится. Но шаг за шагом, в процессе литературного труда я изучала это ремесло и продвигалась дальше. На написание книги у меня ушло полтора года.

– «Идиотка» – это исповедь, крик души. И это, на мой взгляд, талантливое продолжение традиций русской литературы.

– Я бы не назвала свою книгу криком души. Но я придерживалась принципа, что если уж ты берешься за документальную прозу, мемуаристику, то либо пишешь то, как это было на самом деле, либо не пишешь вообще. Без причисывания своей биографии. Хотя вопрос редактур, самоцензуры, безусловно, стоял. В процессе работы выяснилось, что не все, о чем я намеревалась написать, должно быть в книге. Я не хотела причинять боль или раздражать кого-то – как автор художественного произведения я, может быть, и вывела бы какой-то персонаж или обстоятельства, но когда речь идет о реальных людях, приходится учитывать этические моменты. С другой стороны, какие-то вещи я не могла не написать, потому что иначе трудно будет понять логику, мотивы моих поступков.

Дмитрий Харатьян

Эльдар Шенгелая

Гоги Кавтарадзе

– Вам не приходилось выслушивать снисходительное: «Это женская проза!»

– Этой темы не существовало вообще! Не в связи со мной, а в Москве, в России вообще. В начале 2000-х этот жанр – воспоминания, биографическая проза, актерская проза – был очень популярен. Другое дело, что большинство мемуаров пишут не те люди, от чьего лица ведется рассказ, за них это делают так называемые литературные рабы. В моем случае меня однозначно интересовала только собственная литература. Чтобы автором была я – без всяких посредников.

– Спустя время какие-то персонажи, события могут оцениваться иначе. Если об этих же людях вы писали бы сейчас, текст был бы таким же? Или о чем-то вы написали бы по-другому?

– То, что я написала, так оно и есть с моей сегодняшней точки зрения. Так и надо было писать о том, о чем я пишу. Другое дело, что у нас мерзейшая ситуация с желтой прессой. Она называется желтой, но этим же цветом окрашено большое количество гляцевых журналов. И разных телевизионных передач. Любое благое намерение, любую информацию они перекручивают, издеваются над ней, вышучивают очень зло и

неправдоподобно, извращают факты. И я дала своей книгой такой материал, такой заработок для большого количества псевдо-журналистов! Им просто делать ничего не надо: они просто открывают книгу и выживают из нее какие-то фрагменты, пишут сами якобы мое интервью, которое я им не давала. И все это перевернуто, подано с усмешкой, издевательством и обличительным подтекстом. Это настолько отвратительно! Одно время я на это очень болезненно реагировала, пыталась стыдить, что-то выяснять, требовать опровержения. Но потом поняла, что этот бесконечный поток не остановить никакими единичными судами. Настоящее бедствие! И я просто плюнула на это. У меня такая ситуация отбила желание давать интервью в принципе.

– С другой стороны, артисты в последние годы сами заболели, заразились вирусом исповедальности и выносят свои личные обстоятельства на всеобщее обозрение.

– Да, такое есть. Но это не актеры заболели. Просто все поставлено на коммерческую основу и спровоцировано псевдо-журналистами от телевидения, всеми этими программами, которые ищут горячее, жареное, трагичное и бесконечно обсуждают одно и то же.

И что главное – перевирают, нагло, откровенно лгут. Если актеры соглашаются на участие в таких программах – это их личное дело. Наверное, они деньги получают, или считают, что плохой пиар – тоже пиар. Но причина «вирусного» заболевания как раз не в актерах, а в желтой прессе и телевизионных шоу. Это заполнение пустоты! В большой степени работает такой механизм: нужно низвести кумира до уровня «ниже плинтуса», развенчать его. И неважно, являются или не являются приведенные факты выдумкой. Морально-этический момент игнорируется полностью. Приходят к пациентам в больничные палаты, снимают скрытой камерой. И ссылаются на Запад, где якобы то же самое. Неправда! За дезинформацию, ложь порочащего свойства, за нарушение тайны частной жизни или медицинской тайны – суды с большими конфискациями вплоть до закрытия издания. Им есть, что терять, а нашим – нечего.

– После «Идиотки» появились еще два ваших романа.

– После первой книги, которая успешно разошлась, издатели спросили, есть ли у меня еще что-то для издания второй книги. Я обрадовалась их интересу. Ведь у меня осталась масса материала, не вошедшего в первую книгу, и пона-

Станислав Любшин

Ольга Машная

Валентина Титова

добился еще один год для того, чтобы я все это сложила. Вышла «Нет-Ленка» – в названии второй книги игра слов с моим именем. Третий роман – это уже художественное произведение, антиутопия «Твари творчества». Там соединение документалистики с чистой выдумкой, фантазией. Мои герои даже летают над городом. Такие булгаковские приемы. Речь в романе идет о телевидении, о бесконечном тиражировании всего и вся. Любопытно, что какие-то моменты, описанные, выдуманные мной, я увидела потом в жизни. Искусственные деревья, дома – они покрыты сеткой-пленкой, и возникает полное ощущение виртуальной жизни, когда не поймешь, где реальность, а где – нечто иллюзорное. В моей последней книге еще тема раздвоенности, появляются люди-дубли.

– Грандиозная творческая задача.

– Да, я довольна, что написала эту книгу. К тому же она смешная, с большим юмором.

– И в какой последовательности сейчас писать? Актриса, писатель, сценарист, режиссер?

– Никакой я не писатель. Не люблю, когда пишут: актриса, писатель... Кто-то выпустит одну книгу и уже называет себя писателем.

– А разве не так?

– В высоком смысле этого слова я не писатель. И не режиссер, несмотря на то, что училась этому. Я просто актриса.

– В одном из интервью вы сказали, что в какой-то момент устали от профессии. Меня это удивило, ведь для актера никогда не бывает слишком много работы – разве что достаточно. Почему это произошло с вами?

– Напротив, это очень типично для актеров. Им надоедает, они жалуются, раздражаются на свою профессию.

– Значит, жадность до работы у актеров – это миф?

– Просто это существует одновременно – и жажда интересной работы, и усталость. Есть актеры, у которых мало работы, и они ждут ролей в надежде, что они их раскроют. А есть артисты, которые все это получили в большом количестве, они не жалуются на отсутствие работы. И возникает творческий кризис. Но я же вернулась в профессию после перерыва!

– А отношение к профессии после паузы изменилось?

– Изменилось. Я повзрослела, приобрела опыт и стала несколько по-другому воспринимать то, что делаю. Не столь фанатично, понимая, что в жи-

ни есть альтернативы. Актёрство – это очень интересная профессия, на которую я обречена. Это та работа, в которой я себя как-то зарекомендовала. И стала ее воспринимать просто как профессию, которой я владею, не столь одержимо и фанатично, как раньше. Уже не воспринимаю ее как единственный путь. Раньше я по сути отдавала всю себя профессии, считая, что это моя миссия, единственный путь, без которого моя жизнь не имеет цены. Мне очень трудно, да и не хочется, выразить весь комплекс того, что я имею в виду. В той же Америке, когда я пробовалась на какую-то роль и общалась с актерами по поводу работы, мне говорили: надо относиться к актерской профессии легче. Когда собираешься на какие-то переговоры, не нужно идти с таким лицом, как будто ты отправляешься на войну, совершаешь усилие, подвиг, бросаешься на амбразуру. С безумной серьезностью на лице. Людям нравится и все лучше получается, когда подход легкий. Не легкомысленный, а именно легкий. Это абсолютно правильно. И удача приходит быстрее. Когда очень-очень-очень уперто чего-то желаешь, ты это не получаешь. А когда немного отпускаешь это свое желание, оно осуществляется. Нельзя с такой сумасшедшей серьезностью относиться к чему бы то ни было. Потому что не

будет энергетики. Человек направляет свое желание на что-то одно, и это естественно. Но в итоге получает не тот результат, о котором мечтал. И что? Его жизнь не заканчивается на этом. Закон жизни таков, что исход любого дела нам неизвестен. Есть несколько вариантов. Может, получится, может, не получится, не получится в этот момент, а случится потом... Поливариантность заложена в жизни, и в этом смысле нужно готовить себя к тому, что нельзя ставить только на одну карту, иначе будет тяжелейшая депрессия и разочарование. Смысл жизни в чем-то большем, чем просто выразить себя через профессию. В советские времена нас учили совершать подвиги ради чего-то одного. Выбрал дело – иди по своей дорожке. При этом я понимаю, что очень большой фокус на чем-то одном, умение концентрироваться – это, безусловно, необходимо для любого дела. Не

все умеют концентрироваться. Так что тут двойное понимание. Возвращаясь к вашему вопросу об отношении к профессии. Да, оно изменилось. Если я не буду работать актрисой, то просто не буду зарабатывать деньги. Но для меня весь смысл моего существования не заключается в ролях, которые я играю. Мне

повезло, у меня были очень хорошие режиссеры и работы. Причем они случились в моей жизни довольно рано. Так что в этом смысле я актриса удовлетворенная, точнее – удовлетворившая свой интерес.

– А в чем смысл существования?

Григорий Папаян и Ника Джинчарадзе

Давид Гвелесиани

Нина Кикачеишвили

Нино Дзоценидзе и Ладო Джанелидзе

Дато Отиашвили

Датуна Мгеладзе

Олег Мchedlishvili

Заключительный аккорд вечера

– Я так вопрос не ставлю. Мне кажется, вопрос о смысле жизни меня не интересует. Это очень простой и очень сложный вопрос. Мы живем – и все! Каждый в определенный момент задается этим вопросом. Отвечает или не отвечает на него, но продолжает жить.

– Помню вашу трогательную Таню из фильма «Роман о влюбленных» и пленительную Верочку из спектакля «Месяц в деревне». Можно сказать, что в кино ваш режиссер – Андрей Кончаловский, а в театре – Анатолий Эфрос?

– Нет, нельзя. Все вместе! Безусловно, Эфрос остался в моей памяти. И его спектакли не со мной, а с Олей Яковлевой в первую очередь! Для меня как для актрисы работа с ним – это очень интересный опыт. Андрону Кончаловскому очень благодарна за нашу совместную работу. За то, что он дает своей индивидуальностью, влюбленностью в актеров, каждый раз он полностью погружен в то, что снимает и про что снимает! Но я не люблю создавать себе кумиров. Они просто объективно существуют! Это очень большое режиссерское кино. Счастлива, что попала в картину Кирилла Серебренникова «Лето» – сыграла в ней эпизодическую, но яркую роль. Сейчас играю в театре «Гоголь-центр», но не в постановке Кирилла, а в спектакле Влада Наставшева «Спасти орхидею». Очень интересно!

Совсем другой театр, совсем другой принцип работы. Но я скажу, что любой талантливый, яркий человек интересен, и это становится опытом, помогает. Таким был Иосиф Хейфец, у которого я играла в фильме «Ася» Тургенева. А также мой папа, режиссер Алексей Коренев – в его картине «Вас вызывает Таймыр!» я сыграла свою первую роль, тогда я еще даже не была студенткой театрального вуза. Или замечательный режиссер Валерий Рубинчик, снявший «Комедию о Лисистрате». Речь идет об индивидуальностях. Но были еще люди, которые учили профессии, и я безумно им благодарна. Это мастер моего курса Людмила Владимировна Ставская, Альберт Григорьевич Буров, который поставил со мной очень оригинальный, необычный дипломный спектакль «Ромео и Джульетта». Художником-постановщиком был знаменитый Сергей Бархин. В процессе обучения в театральном вузе ты действительно наблюдаешь свое превращение, ты вылупливаешься как цыпленок из яйца. Учишься ходить, писать, двигаться в пространстве и становишься совершенно другим человеком. Приобретая профессию, ты наблюдаешь за собой, контролируешь себя, открываешь в себе что-то. Это – учителя. А режиссеры, конечно, не учителя. Дружу с Володией Мирзоевым – я с ним работала и в театре, и в кино. Несколько лет назад вышел фильм «Ее звали Муму». Я сыграла в нем

крохотную роль, за которую получила премию «Ника». Все режиссеры интересны как личности!

– Маленькая или большая роль – имеет это для вас значение? Или главное, кто режиссер?

– Маленькие роли играть сложнее, ведь эпизоды должны быть яркими, запоминающимися. Яркими – разными средствами... Я не гоняюсь за большими ролями. В то же самое время понимаю, что есть возрастные ограничения. И осознаю, что рассчитывать на то, что на меня напишут сценарий, в центре которого буду я как героиня, – эти шансы, безусловно, остаются, но системы такой уже нет и не будет. Потому что в центре картины должна быть история любви, романтическая линия молодой пары.

– Переход на возрастные роли был для вас болезненным?

– Как у всех. Этот момент для меня давно позади – осознание того, что я перехожу в другую категорию ролей – мам, бабушек. Некоторое удивление по этому поводу уже прошло. Нужно просто любить ответственность...

– Вы играли романтических героинь. Хотя вы совсем другая, не похожая на романтическую барышню.

– А какая?

– Более сильная, глубокая.

– Долгое время я не снималась. А в 1989 году приехала в Москву и снялась сразу в трех картинах – у Валерия Рубинчика в «Лисистрате», у Сергея Юрского – в фильме «Чернов, Чернов», в небольшом эпизоде фильма Рустама Хамдамова «Анна Карамозофф». Никто не видел картину Хамдамова, кроме узкого круга. Судились продюсеры, и фильм не вышел на широкий экран. У отца сыграла в «Ловушке для одинокого мужчины» француза Робера Тома. Так что целый год я снималась. Даже вернувшись из США в Россию на постоянное место жительства в начале 1994 года, я не знала, будет ли у меня работа. Ведь

были актеры, которые в отличие от меня никуда не уезжали. Выросло новое поколение, кто-то дослужился до большой славы. И по идее у меня должны были возникнуть проблемы, но меня вдруг начали приглашать. Все прошло безболезненно.

– В «Википедии» написано о вас: российско-американская актриса. Так оно и есть?

– Нет, конечно. Я снялась там в крохотной роли у Кончаловского в фильме «Любовники Марии». Ролька была маленькая, но она стала еще меньше после монтажа. Картину пришлось сокращать по требованию продюсеров. Но я сыграла главную роль вместе с Олегом Видовым в фильме начинающего американского режиссера Марка Левинсона по его сценарию. Картина называется «Узник времени». Главные герои – русская пара, которая распалась, потому что он стал невозвращенцем. Она остается в России, а после перестройки едет в США и встречает своего мужа... Но я не считаю себя американской актрисой так же, как и не считаю себя писателем, хоть и написала три книги.

– Годы, проведенные в США, не были потрачены зря, не так ли?

– Как пела Эдит Пиаф: «Нет, я ни о чем не жалею».

– Что вам нравится и не нравится в современном российском театре и кино?

– Мне кажется, происходят очень интересные явления. В театре много молодых режиссеров, которые создают совершенно новый по стилистике театр. Отличный от нашего классического – и слава Богу. В театрах идет очень активная жизнь. Я человек, абсолютно открытый для восприятия нового. Мне может многое не нравиться, что-то может быть не в моем вкусе, я могу быть критичной в отношении той или другой постановки, режиссера, но само явление не могу не оценить! Режиссеры Римас Туминас, Миндаугас Карбаускис, Дима Крымов, Константин Богомолов, Кирилл Серебренников, Влад Наставшев, автор и режиссер Иван Вырыпаев, Максим Диденко –

Елена Коренева

сейчас у него вышла премьера «Нормы» по роману Владимира Сорокина в театре на Малой Бронной... Много приглашенных из-за рубежа, проходят фестивали! В кино – тоже много интересного. У нас стали снимать хорошие сериалы. Ведь долгое время к сериалам относились с пренебрежением – и понятно, почему. Одни и те же сценарии переписывались, менялись только диалоги героев. Клише кочевали из сериала в сериал – те же сыщики, врачи. А мне предлагали играть одних и тех же мам. Я вижу это! И вдруг на этом фоне появляется что-то интересное. Как на Западе, все стали смотреть сериалы, их создатели доказали, что форма большого телеромана с большим количеством действующих лиц и долгой историей – это очень интересный жанр, и он может быть сделан на хорошем уровне. И наши тоже стали снимать хорошие сериалы – «Садовое кольцо», «Звоните Ди Каприо»: его сделал Жора Крыжовников – талантливый автор и режиссер.

– И серьезные актеры стали больше доверять сериалам.

– Да, да! В хороших сериалах интересно выписаны роли. Есть интрига, смысл. И качество изображения хорошее. На сериалах работает большое количество хороших операторов, профессионалов.

– В Тбилиси вы презентовали необычную картину Кирилла Серебренникова «Лето», главные герои которой – Вик-

тор Цой и Майк Науменко. Не все представители русского рока приняли картину.

– Память очень субъективна. Любое произведение – это трактовка, субъективный взгляд. И это фильм не столько про Цоя и Майка Науменко, сколько про что-то другое – про время, про такую породу людей. В фильме играли актеры «Гоголь-центра», товарищи Серебренникова, подвижники – все люди талантливые. Они обожают Кирилла и готовы для него, ради любой его постановки на все, на любые жертвы. Молодую героиню сыграла актриса Ирина Старшенбаум. А замечательный молодой актер, очень популярный Александр Кузнецов исполнил роль Скептика. В фильме использован компьютерный дизайн, мультипликация. Цоя сыграл актер из Южной Кореи Тео Ю, и когда я попала на съемки – это было 8 августа 2018 года, а Кирилла арестовали 22 августа, – в гримерке увидела его. Меня предупредили, что Тео Ю не говорит по-русски, но потихоньку занимается с учителем. И я стала свидетелем смешной сценки. Тео Ю не произнес ни слова, пока его гримировали, но когда грим закончился, он повернулся к сидевшему рядом актеру и очень старательно выговорил зазубренную фразу: «Ка-кая – у ти-бя – став-ка?» И они оба начали смеяться. Вслед за ними все, кто был в гримерной, подхватили и тоже захохотали. Как я поняла, этот вопрос от Тео Ю стал его коронной шуткой.

Братья Сименсы. Стоят: Вальтер, Карл, Вернер, Отто, сидит: Вильгельм

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

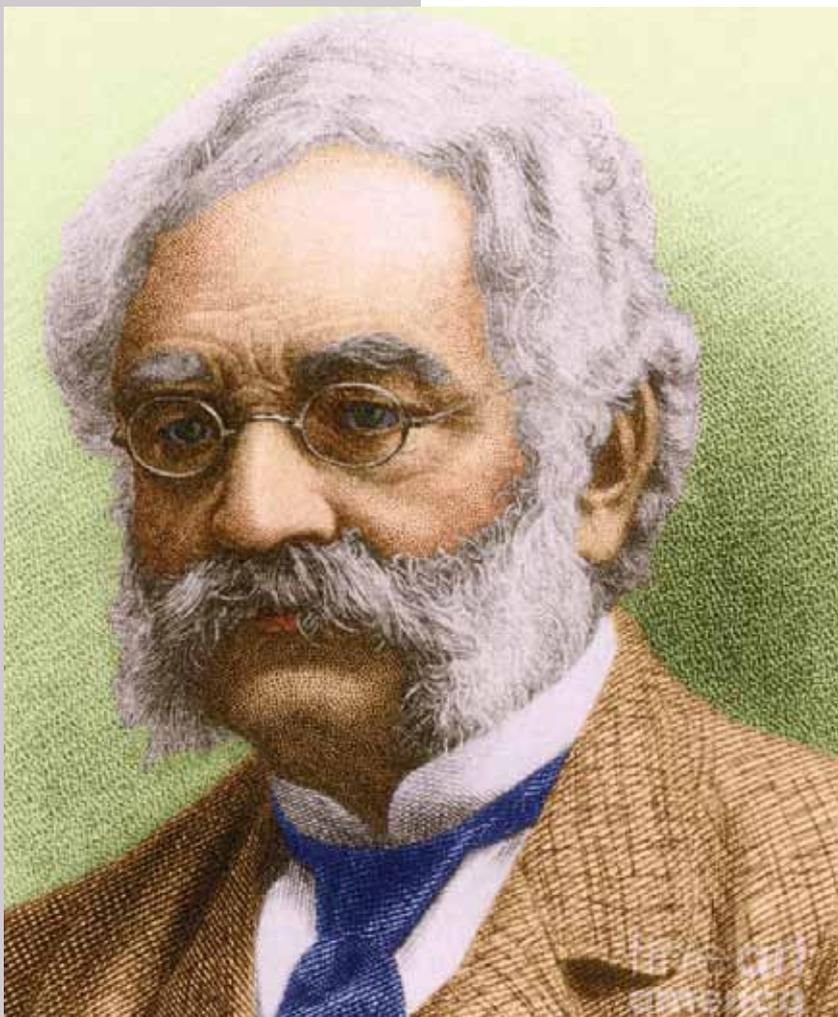
«Как я изобретал мир»... Ох, как немного людей имеют право на такое воспоминание о прожитой ими жизни. Вернер Сименс такое право заслужил. Причем вместе со своими братьями. Благодаря им появились генератор постоянного тока, закаленное стекло, трансатлантические кабели связи, электрическая железная дорога, лифт и трамвай, первая в Европе телефонная станция, единица измерения электрической проводимости «сименс» вместо термина «прикладная теория электричества»... И частью изобретенного ими в XIX веке мира новых технологий стала Грузия.

...Когда в 1840 году под прусским Ганновером почти одновременно уходят из жизни небогатый фермер-арендатор Кристиан Сименс и его жена Элеонора, сиротами становятся их

сыноуей и дочерей. И немало забот ложится на 24-летнего Вернера. С образованием дела у него обстоят неплохо. Домашние учителя, гимназия, по желанию отца – артиллерийское училище, где математику, физику и химию преподают ученые с мировым именем, среди которых – Георг Ом и Густав Магнус. Ну как с такими учителями не заняться изобретательством и научными опытами? Юный лейтенант сочетает это занятие со службой в берлинских артиллерийских мастерских и даже с отбыванием наказания на гауптвахте за участие секундантом в дуэли.

Но после смерти родителей становится ясно, что лейтенантского оклада семье не хватает. Часть братьев и сестер распределяют по родственникам, многим Вернер помогает деньгами, оплачивает учебу. В поисках дополнительного дохода он

решает применить на практике свои опыты, и в 1841-м получает первый в своей жизни патент – на гальваническое золочение металлических изделий. Затем – изобретение одного из видов электрического телеграфа, членство в Физическом обществе, увольнение из армии. «Я теперь почти решился избрать постоянное поприще в телеграфии... Телеграфия станет самостоятельной важной отраслью техники, и я чувствую себя призванным сыграть в ней роль организатора», – пишет он родственникам. И вместе с механиком Иоганном Георгом Гальске открывает фирму Siemens & Halske, производящую телеграфные аппараты. За патент на метод гальванического золочения покупатель из Англии платит ему 1.500 фунтов. И с этим стартовым капиталом Вернер Сименс уходит в бизнес. И

Вернер Сименс

В 1849 году фирма строит первую в Германии телеграфную линию из Берлина в Франкфурт-на-Майне. Через пару лет – одна из высших наград Первой Международной промышленной выставки в Англии за усовершенствование стрелочного телеграфа. Затем – телеграфные линии и их техническое обслуживание в США и Европе, в том числе – в Российской империи. «Труднее всего было добиться от правительства России разрешения на строительство через ее территорию и эксплуатацию иностранной компанией телеграфной линии, – вспоминал Вальтер. – Это удалось лишь после длительных переговоров, в которых наши прежние заслуги как техников и надежных подрядчиков сослужили компании хорошую службу. Нам была предоставлена концессия на постройку и использование двойной линии от прусской границы через Киев, Одессу,

Керчь, далее частично под водой, через Сухум-Кале к кавказскому побережью и далее через Тифлис к границе с Персией... Русское правительство поручило нам строительство и обслуживание нескольких линий на Кавказе. Для этой цели мы создали филиал компании в Тифлисе, руководить которым поручили моему брату Вальтеру».

Так наступает очередь Грузии. Первую в ее истории телеграфную линию Siemens & Halske прокладывает в 1858-м – из Тифлиса в горный пригород Коджори, где находится дача царского наместника. Есть у Вальтера Сименса и дипломатическая миссия – он первый немецкий консул в Грузии. Тогда еще не было единой Германии, и назначает его Северо-Германский Союз. Рядом с ним работает еще один брат – Отто. И, благодаря их усилиям, подвесной электрический телеграф связывает Тифлис с Боржомом, Кутаиси, Потом, Ереваном, Баку, Владикавказом, Ставрополем, Москвой. Всего же по Кавказу прокладывается телеграфная сеть общей протяженностью в 5,5 тысяч километров. Она связывает регион с основными российскими и персидскими линиями, Черное море – с Каспийским.

Но деловые интересы Сименсов не ограничиваются лишь телеграфными линиями – они приобретают в Грузии нефтяные месторождения, начинают добывать «черное золото», строят нефтеперегонный завод. А особенно большую прибыль, по мнению Вальтера, может принести промысел медной руды в соседнем Азербайджане, в Кедабеке. И он приглашает старшего брата-основателя фирмы лично убедиться, стоит ли покупать рудник. Так в 1865-м Вернер Сименс впервые отправляется на Южный Кавказ. Забегая вперед, скажем, что он приедет в Грузию еще в 1868 и 1890 годах.

Результат всех этих поездок – не только успехи в семейном

Siemens & Halske

<https://ru.wikipedia.org/wiki/Файл:Siemens-Halske.jpg>

Стрелочный телеграф Сименса

бизнесе. Тому, как знаменитый изобретатель и предприниматель описывает увиденное им в Грузии, может позавидовать любой профессиональный путешественник. Забудем о том, что перед нами «технар» и расчетливый коммерсант. Вот — начало путешествия по Грузии:

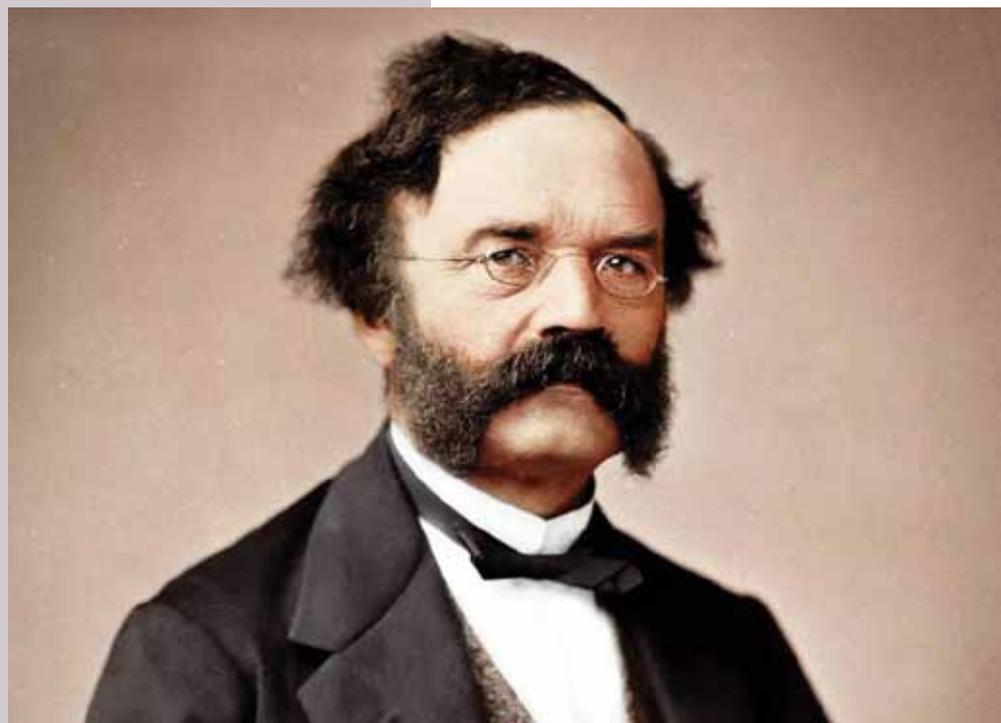
«В Батуме наш пароход достиг конечной точки своего маршрута, и мы пересели на маленький пассажирский кораблик, который доставил нас в не имевший собственной гавани Поти... У окруженного со стороны суши лесами и горами Батума была своя гавань, хоть небольшая, но очень аккуратная, легкодоступная и безопасная, защищавшая порт в любую погоду. В отличие от него, Поти находится в устье реки Рион, в древности называвшейся Фазис, на широкой болотистой равнине. У него нет защищенной гавани, есть лишь единственный рейд, но и его многие корабли в ветреную погоду опасаются из-за окружающего мелководья. Русское правительство трижды предпринимало весьма дорогостоящие попытки соорудить мол, который защитил бы заходящие сюда корабли, но все они заканчивались неудачей...».

Еще один черноморский город: «Сухум-Кале, что в переводе означает «Сухумская крепость», расположена в небольшой живописной скалистой бухте, у подножья одной из окружающих Эльбрус кольцом

гор. Ее окрестности поражают богатством растительности, красоту которой невозможно описать. Настоящий восторг вызвала у меня длинная аллея, усаженная плакучими ивами. По высоте они могли бы поспорничать с нашими лесными деревьями, а их густая листва спускалась на длинных склоненных ветвях до самой земли... Сразу за городом дорога, по которой двигалась наша компания, пошла вверх по долине вдоль небольшого горного потока через чащу из великолепных деревьев».

Вернера интересуется и мно-

Вальтер Сименс

гое из того, что никак не пригодится в коммерческих делах. Но новая, незнакомая жизнь не может не привлечь цепкий ум исследователя: «В Поти меня встретил брат Вальтер, и дальше до Тифлиса мы ехали вместе. Эта поездка была сопряжена с большими трудностями. То же, кстати, можно сказать и о следующем моем, три года спустя, посещении Кедабека. Вначале нам пришлось пройти вверх по Риону до Орпири, населенного почти исключительно безбородыми сектантами, которых сюда ссылали со всей империи. Кроме дикой смеси национальностей и языков, присутствовавших на борту судна, интересным при поездке по Риону можно было бы назвать только зрелище настоящего девственных заболоченных лесов, стоявших по обоим берегам».

Человек, изучавший архитектуру, не может не поразиться древним памятникам культуры: «Из Орпири мы уже по суше отправились в Кутаиси, древнюю Колхиду. Расположен он у склона горной цепи, соединяющей Большой и Малый Кавказ, в удивительно красивой долине Риона. Высоко над Кутаиси будто висит один из древнейших в христианском мире знаменитый монастырь Гелати,

Кедабекское медеплавильное предприятие

построенный, по преданиям, еще в доисторические времена на святом месте. Во время второго путешествия я нашел в себе силы его посетить. Монастырь расположен на высоте нескольких тысяч футов над уровнем моря, но мои труды по подъему были щедро вознаграждены. Сам он большей частью разрушен и пребывает в руинах, но тут есть один маленький сохранившийся храм, покоящийся на четырех гранитных колоннах, каждая из которых выполнена в своем, особом архитектурном стиле. Дата его постройки теряется в глубине веков. Вообще возраст многих памятников на Кавказе исчисляется не веками, как в Европе, а тысячелетиями. Даже если в этом есть некоторое преувеличение, все указывает на то, что Кавказ является одним из древнейших очагов человеческой цивилизации».

Не чужды ему и красоты природы: «Сейчас в Кутаиси есть железнодорожная станция и туда можно с комфортом добраться из Поты, Батума или

Тифлиса за один день. Тогда же мы считали за счастье, что новая дорога, проложенная через Сурамский перевал, значительно облегчила наше весьма трудное путешествие. В качестве компенсации перевал одарил меня потрясающей возможностью лицезреть его красоту и романтику. Здешние леса и луга полны зарослей рододендрона и высоких ярко-желтых кавказских акаций, вид цветения и аромат которых создают неповторимое впечатление яркого художественного представления. Прелести очарованию окружающей природы добавляют отвесные, высотой в несколько сотен метров, скалы, сплошь увитые плющом...»

Особое внимание уделено Кахети, где Вернер побывал вместе с братом Отто во время своего второго приезда в Грузию: «Путь наш лежал из Тифлиса в Царские Колodцы (ныне Дедоплисцкаро – В.Г.), где находился наш производивший керосин нефтеперегонный завод... Оттуда мы отправились в Кахетию, славную своими

замечательными кахетинскими винами. Находится она в долине реки Алазань, отделенной от долины Куры далеко вторгающимся в степь горным хребтом. С вершины этого хребта мы имели возможность видеть великолепие Кавказа, представившегося нам непрерывной цепью заснеженных вершин, протянувшейся от Черного моря до Каспийского.

Кахетия считается одной из древнейших колыбелей виноделия, в ее главном городе и сейчас можно попасть на празднование, сильно напоминающее римские сатурналии. Все, от мала до велика, стекаются сюда и совершают обильные возлияния кахетинского вина во славу Вакха. При этом в городе царствует атмосфера настоящего братства. Считается, что постоянное потребление кахетинского делает человека более жизнерадостным и что по этому признаку легко можно распознать коренного жителя Тифлиса».

Ну а там, где вино, не обойтись без застолья с обязатель-

П. Верещагин. Сухум-Кале

ными тостами: «Поданная еда была очень вкусной, особенно нежным был шашлык из бараньего филе. Я думаю, если бы его подали в лучшем берлинском ресторане, он произвел бы самую настоящую сенсацию. Во время еды кахетинским периодически наполнялись полые рога буйвола, и за чье бы здоровье ни поднимался рог с вином, каждый должен был выпить свой до дна. Это было тяжело и для нас, европейцев, непривычно. Поэтому долго выдержать мы не смогли...

...Под кронами огромных деревьев мы разбили лагерь. У нас под ногами лежала вся Кахетия, опоясанная возвышавшимися уже за ее пределами горными массивами... Вскоре была приготовлена трапеза, которую мы вкушали также лежа. После этого князя и их спутники расположились прямо перед нами и начали свой традиционный питейный бой, наполняя рога чем-то вроде глинтвейна, изготовленного из лучшего кахетинского вина. Каждый из них считал, видимо, своим долгом лично произнести, в очень льстивых и приятных словах, тост за здоровье мое и моего брата Отто. И было видно, что они искренне надеются, что мы тоже когда-нибудь осушим

свои рога уже за них. Князя говорили исключительно по-грузински, переводчик переводил нам их слова на русский. наших немецких ответов не понимал никто, чем не преминул воспользоваться Отто. Он выступил с ответной речью, которую произнес по-немецки в очень вежливой манере, поистине елейным голосом, плавно и важно жестикулируя, подражая всем своим поведением выступавшим до него...».

И, наконец, замечательное описание грузинской столицы: «Тифлис, через который протекает река Кура, с севера защищен обрывистой горной стеной, которая, несомненно, является главной причиной жары, царящей в городе летом. Поэтому те местные жители, кто может, кроме городского имеют для жарких периодов второе жилье, расположенное на несколько тысяч футов выше. Его они в это время оставляют лишь в крайнем случае, если дела требуют их присутствия в городе. Сам Тифлис состоит из двух четко различающихся городов: верхнего, европейского, и нижнего, азиатского. Европейский Тифлис гордо называет себя «азиатским Парижем» или более скромно заяв-

ляет, что он первый претендент на этот титул после Калькутты. Он и в самом деле обладает вполне европейской внешностью, а проживают здесь в основном русские и западные европейцы. В этой части города расположены резиденция императорского наместника, театр и все административные здания. Соседний же город как по виду, так и по населению чисто азиатский. Причину, почему эта местность была заселена еще в старозаветные времена, несомненно, стоит искать в знаменитых горячих источниках, которые для жителей Востока имеют даже большее значение, чем для европейцев».

Однако не будем забывать, что для нас главное – не путевые заметки Вернера Сименса (пусть и замечательно написанные), а то, что делали в Грузии его братья Вальтер и Отто, которым он доверил вести дела в этой стране. Помимо телефонизации и добычи нефти, главное их достижение – один из величайших проектов XIX века, который по важности можно приравнять к строительству Суэцкого канала. Это – прямая линия протяженностью в 11 тысяч километров. В Грузии она пролегла через Сухуми, Зугди-

А. Киселев. Старый Сурамский перевал. 1891

ди, Кутаиси, Гори и Тифлис.

Но ни у одного печатающего аппарата того времени не хватает мощности, чтобы обеспечить связь на таком гигантском расстоянии. И Siemens & Halske конструирует собственный аппарат, способный обеспечивать не только передачу телеграммы от одного пункта к другому, но и осуществлять запись – для контроля. И с 1870-го пошли через Грузию депеши из Англии в Индию, из Пакистана и Ирана – в Берлин... Аж до 1931 года через ее территорию летели телеграммы в 34 государства мира.

Увы, Вальтер Сименс, поселившийся на Садовой (ныне Ладо Асатиани) улице в тифлисском районе Сололаки, этого итога своей работы не увидел. В 1868 году, за пару лет до пуска Трансконтинентальной телеграфной линии, он насмерть разбился, упав с лошади. В последний путь его провожает множество народа, газета «Кавказ» публикует некролог, в котором подчеркиваются его заслуги не только как предпринимателя и консула, но и как мецената и общественно-го деятеля. Его называют личностью, «выдвигавшейся своей индивидуальностью из общей

людской массы... отличающейся особенной, свойственной ей душевностью».

Младший брат Отто, работавший с Вальтером в Грузии, продолжает его дело, взяв на себя еще и обязанности консула Северо-Германского Союза. И именно он знаменует пуск Трансконтинентального телеграфа банкетом в Тифлисе. Благодаря фамильной предпринимательской жилке, он вводит в практику современный метод добычи нефти – бурение скважин вместо рытья колодцев. В результате каждая скважина дает 2,5 тонны нефти в сутки.

Для того времени – совсем неплохо. А где нефть – там и битум, где битум, там – асфальт... И Отто Сименс впервые на Кавказе начинает асфальтировать тифлисские улицы. Но судьба безжалостна и к нему: в грузинской столице свирепствует холера. Отто умирает от нее в 1871-м, не успев осуществить многих планов.

«Самые младшие братья Вальтер и Отто умерли в Тифлисе и покоятся там в одной могиле, – напишет Вернер Сименс. – Вальтер умер от несчастного падения с лошади. Он был красивый, стройный мужчина, с

Памятник Индоевропейскому телеграфу в Гагра

Карл Сименс

приятными манерами, которые располагали к нему на Кавказе всех знавших его. К нам, братьям, он постоянно высказывал трогательную привязанность. Отто скончался несколько лет спустя вследствие слабого здоровья, о котором он мало беспокоился».

А в конце 1860-х в Грузии звучит имя еще одного Сименса – Карла. Летом 1867 года, когда семья еще не потеряла Вальтера и Отто, в Берлине подписывается новый учредительный договор объединенной компании «Общее дело Сименс и Гальске в Берлине и братьев Сименс в Лондоне». Ее единственными собственниками становятся Вернер с еще двумя братьями – Вильгельмом и Карлом. Первый из них по-прежнему руководит бизнесом в Берлине, второй – английской фирмой «Братья Сименс» в Лондоне, а третий заявляет: «Мое стремление – это уютная жизнь, а также приятное и хорошо оплачиваемое занятие. Все это я найду на Кавказе». Братья соглашаются и в договоре фиксируется, что Карл поначалу на два года переедет в Тифлис.

Высказанное им желание

вовсе не означает, что он не любит работать и ищет синекуру. Совсем наоборот, Вернер ценит его выше остальных братьев: «Карла я считаю наиболее одаренным из всех нас. Он всегда надежен, верен, добросовестен. Проницательный, всесторонне развитый ум сделал из него дельного коммерсанта». До того, как уехать в Грузию, Карл много лет возглавляет представительство Siemens & Halske в России, снабжает ее телеграфными аппаратами, строит в ней телеграфные сети, его уже называют «русским Сименсом». Но в 1867-м он пишет Вернеру из Санкт-Петербурга: «Я даже не могу тебе описать, как мне надоел этот ужасный климат и с каким удовольствием я навсегда повернусь спиной к этому волчьему логову, в котором я застрял на целых 14 лет. В понедельник начинаю упаковывать мои пожитки».

Но дело в том, что основная причина, побудившая Карла стремиться на Кавказ – отнюдь не желание получить «приятное и хорошо оплачиваемое занятие». Его жена Мария болеет «грудной болезнью», и врачи советуют ей сменить климат. Вот и пишет Карл старшему брату, что все продумал: «его имущество вложено в Кавказ и именно там есть перспективы обрести, наконец, выздоровевшую жену». До Тифлиса его семья добирается в октябре 1867-го. Вальтер снимает ему просторный дом в том же Соллаки, а пока дом ремонтируется, поселяет всю семью у себя, благо, он – холостяк.

Карл Сименс вовсю занимается делами Кедабекского медеплавильного предприятия, берет в аренду нефтяные скважины в Царских Колодцах. Гибель Вальтера приводит его в шок: «...Я очень любил Вальтера. Он был для меня олицетворением Кавказа, и без него Кавказ кажется мне опустошенным. Кавказ предстает передо мной словно покрытым завесой меланхолии, и пройдет много времени, прежде, чем рассудок мой сумеет разорвать ее и вновь взяться за дело со свежей силой». И все же он продолжает работать –

вместе с Отто по строительству Индоевропейской телеграфной линии.

А вот здоровье Марии не идет на лад. К тому же она беременна, и летом, по совету врача, семья отправляется в Боржоми. В письме Карла старшему брату – страх перед будущим: «Мария ожидает родов всякий час, но она так слаба и жалка, что я не без ужаса жду катастрофы. Если меня здесь настигнет несчастье, то жизнь моя будет сломлена». Роды проходят через пять дней после гибели Вальтера, на свет появляется девочка, и Карл едет в Тифлис хоронить брата. А по возвращении в Боржоми – ошеломляющий вердикт врача: кавказский воздух вреден для его жены, необходимо срочно менять место жительства...

Карл, по собственному признанию, застигнут врасплох: он стремился в Грузию, прежде всего, из-за болезни Марии, а после гибели Вальтера необходимо продвигать семейные проекты по всему региону. Но жизнь диктует свои условия. Вернер получает от него категорическую телеграмму: «Туберкулезное заболевание горла Марии опасно, единственное спасение срочная

Вильгельм Сименс

Карл Сименс в российском дворянском мундире

перемена воздуха, сегодня все уезжаем в Триест, надежд мало». В Тифлисе он не прожил и двух лет.

А через год после его отъезда, в 1869-м, в Грузию приезжает и пятый брат – Вильгельм. Сейчас кое-кто называет его Уильямом, на английский манер – как мы помним, после нового учредительного договора он живет и работает в Лондоне. Но мы вспомним о нем под его настоящим именем. Он тоже изобретает новый мир. Создает первый электрический термометр и пирометр – прибор для бесконтактного измерения температуры тел. Ему принадлежит выдающееся изобретение – регенеративная печь, на основе которой создана мартеновская печь в металлургии.

Вильгельм привозит из Лондона в Сухуми кабели, созданные им в английской столице специально для работ в Грузии. Один из них, подводный, ло-

жится на дно Черного моря при прокладке Индоевропейского телеграфа. Второй, подземный, предназначается для телеграфной линии Москва-Тифлис. Она часто повреждалась снегом на высокогорном участке Коби-Гудаури, и новый кабель устраняет проблему.

В последний раз братья Сименсы (Вернер и Карл) появляются в Грузии в 1890 году. Это, как мы уже писали, третий приезд Вернера, его цель – осмотр медного рудника. Но ведь мы помним его восторженные отзывы о южно-кавказской стране, и поймем, почему в этот раз он привозит жену и дочь. Его фамилия уже звучит как фон Сименс – за два года до этого приезда кайзер Вильгельм даровал ему дворянский титул. Вместе с ним приезжает Карл, во второй раз. Ему получить дворянство только предстоит – через пять лет, от Николая II.

Вот такая примечатель-

Герб Вернера фон Сименса

ная грузинская часть истории знаменитой немецкой фирмы. Правда, есть в ней еще одна печальная страница. Могила Вальтера и Отто Сименсов утрачена. Их погребли, скорее всего, на Верийском кладбище, которое уничтожила советская

власть, разбив на его месте парк имени Кирова. Но проходя сегодня по тбилисским улицам, не будем забывать, что впервые в истории их заасфальтировал один из преданных Грузии братьев Сименсов.

Перед кинотеатром «Руставели» на открытии «звезды»

ЕДИНСТВЕННАЯ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

«Голосом Ариадны Шенгелая можно лечить...», «Божественная...», «Великолепная, прекрасная, нежная... Женщина, Актриса, Человек... Каждая ваша героиня – природный драгоценный камень в знаменитом браслете...», «Ариадна – мой идеал женской красоты. Ее Татьяна до сих пор заставляет сердце биться как паровой молот... Если бы ее видел Александр Сергеевич, я думаю, родился бы очередной шедевр «Я помню чудное мгновенье...», «Пушкин будто предвидел, что Татьяну будет играть Ариадна Шенгелая: «Чистейшей прелести чистейший образец». Самая настоящая Графиня российского кино. Какие манеры, какая искренняя доброта и достоинство. И какой красивый голос. Восхитительная актриса! Часто пересматриваю фильмы с ее участием и каждый раз получаю огромное наслаждение от ее игры!» «Неземная красота! Пленительность, очарование,

нежность и одухотворенность ее героинь в фильмах «Евгений Онегин», «Гранатовый браслет», «Грезы любви», «Выстрел», «Угол падения» берут сразу в плен и не отпускают...», «Самая лучшая княгиня Вера Николаевна Шеина. Единственная на все времена...», «Не просто красивое лицо с обложки, хотя красота ослепительная, необыкновенная, но и талант, душа, даже не верится, что может быть такое сочетание в одном человеке!..»

Все это – о ней, блистательной Ариадне Всеволодовне Шенгелая. Авторы этих высказываний – зрители, верные поклонники ее таланта. После продолжительной паузы актриса вновь предстала перед публикой. И случилось это в Малом зале Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова, где состоялся творческий вечер звезды экрана, актрисы театра и кино, Народной артистки Грузии и России Ариадны Шенгелая (совместный проект Национального центра кинематографии Грузии

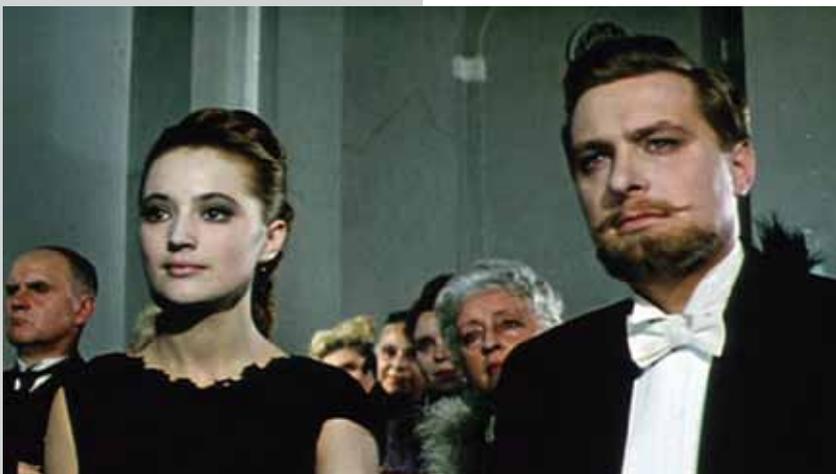
и театра Грибоедова). А по окончании насыщенной впечатлениями, радостной и долгожданной встречи со зрителями произошло событие большого культурно-исторического значения: перед кинотеатром «Руставели» открыли ее «звезду»!

На вечере зал приветствовал актрису бурными овациями, а она обратилась к публике с пронзительным, душераздирающим монологом: Ариадна Всеволодовна призналась публике, коллегам, друзьям, близким, профессии, Грузии – стране, которая стала, по сути, ее второй родиной, – в огромной, всепоглощающей любви, пожелала счастья своим соотечественникам, потомкам! Своей искренностью и эмоциональностью выступление Ариадны Всеволодовны растрогало собравшихся до слез...

Это был вечер воспоминаний и признаний. Сначала публика посмотрела документальный фильм о жизни и творчестве Ариадны Шенгелая, подготовленный Национальным центром кинематографии Грузии. С экрана об Ариадне Шенгелая говорили ее внучка – молодая, очаровательная актриса Наталья Джугели, чем-то неуловимо напоминающая юную Ариадну, прославленные кинорежиссеры Мераб Кочашвили и Эльдар Шенгелая,

Кадр из фильма «Чудаки»

Кадр из фильма «Гранатовый браслет»

Алиса Френдлих, Ариадна Шенгелая и Верико Анджапаридзе

режиссер театра Медея Кучухидзе, поставившая на грибоедовской сцене знаменитый спектакль «Дневник Анны Франк» Ф. Гудрича и А. Хаккета – Ариадна Шенгелая сыграла в нем одну из своих самых заметных театральных ролей. Постановка стала ярким событием тбилисской театральной жизни 1960-х гг.

Директор театра Грибоедова, президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий рассказал об одесских гастролях театра 1965 года, во время которых с огромным успехом был показан «Дневник Анны Франк». Н. Свентицкий прочитал отрывок из рецензии на спектакль Народного артиста СССР Акакия Хорава, в

которой последний высоко оценил и саму постановку, и работу юной актрисы-дебютантки. За ролью Анны Франк последовали Клеопатра из спектакля «Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу, Лариса Огудалова из «Бесприданницы» А. Островского, Констанция из «Трех мушкетеров» по роману А. Дюма, фон Цанг из «Физиков» Ф. Дюрренматта, Якобина фон Мюнхгаузен из спектакля «Полет жареной утки» Г. Горина. «Она сохранила безупречную репутацию – ни один слух не прилепился к этой удивительной, красивой женщине за все время ее служения высокому искусству. Это в определенном смысле феномен – особенно в театральной среде!», – отметил в своем выступлении Николай Свентицкий. Он также подчеркнул, что Ариадна Шенгелая принадлежит к тем редким актерам, кто умеет играть породу на сцене и экране. Не зря она была удостоена всенародного титула «Графиня советского кино». В своем слове, последовавшем за выступлением Н. Свентицкого, председатель Театрального общества Грузии Георгий Гегечкори назвал Ариадну Шенгелая королевой кинематографа. Он вручил ей престижную награду – премию имени Верико Анджапаридзе.

Молодой артист Василий Габашвили обратился к Ариадне Всеволодовне от имени всех ее бывших студентов. «Вы были для нас не просто мастером, педагогом, вы вырастили из простых ребят настоящих профессионалов, вы были для нас как родная мама!», – сказал он.

Портрет актрисы дополнили некоторые подробности ее личной жизни, не столь известные широкой публике: будучи восемнадцатилетней девушкой она самостоятельно отправилась в Магадан, чтобы познакомиться с отцом – репрессированным немцем Всеволодом Эдуардовичем Шпринком. В этом поступке угадываются черты ее бескомпромиссной героини из фильма «Осторожно, бабушка!» – смелость, решительность.

Эльдар Шенгелая – первый муж актрисы – рассказал о матери Ариадны, Анне Павловне Любимовой. Она снялась в фильме своего зятя «Необыкновенная выставка».

На вечере Ариадны Шенгелая в Грибоедовском театре

С признанием в любви к Ариадне Шенгелая выступила Медея Кучухидзе. «Дневник Анны Франк» удалось выпустить в рекордно короткие сроки – один месяц и одну неделю Ариадна была тогда уже очень известной киноактрисой, а Медея Кучухидзе – начинающим режиссером, и из этого тандема двух талантливых людей родился фантастический спектакль, о котором вспоминают по сей день! Из воспоминаний Ариадны Шенгелая:

«Моя творческая встреча с Грибоедовским театром состоялась в 1963 году. Жизнь актера исчисляется особым счетом, минутами душевной озаренности. Это счастье я познала, работая над образом Анны Франк. К тому времени я окончила ВГИК, и это была моя первая роль в театре. В тот период главным режиссером театра Грибоедова был Гига Лордкипанидзе. Спектакль ставила по его приглашению молодая, очаровательная выпускница театрального института Медея Кучухидзе, уже имеющая режиссерский опыт. Григорий Давидович иногда заходил на репетиции, и если вносил какие-то коррективы, то делал это так деликатно, точно все предложения исходили от нас самих и были нашим откровением. В спектакле был занят блестящий актерский состав: Мавр Пясецкий, Даниил Славин, Валентина Захарова, Евгений Басилашвили, Лев Гаврилов и другие. Пресса окрестила спектакль «мхатовским». Это был огром-

ный успех всего творческого коллектива».

Очень тепло об Ариадне Всеволодовне говорила коллега и близкий человек – заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили. Они находятся в постоянном контакте, ежедневно общаются. Людмила Артемова рассказала, в каких обстоятельствах произошло их знакомство – на памятной премьере комедии «Дорога цветов» в постановке Петра Фоменко. В антракте Ариадна Всеволодовна пришла к Людмиле Мгебришвили за кулисы. Пришла с заплаканными глазами, потому что хохотала на спектакле до слез!

Организаторы вечера (большой вклад внесли близкие актрисы) показали кадры из фильмов, в которых снималась Ариадна Шенгелая. Зрители вновь и вновь любовались безупречной красотой, чистотой и обаянием актрисы, восхищались ее талантом и искренностью. Отмечали, что в фильме «Осторожно, бабушка!» юная Ариадна нисколько не усту-

пает в мастерстве великой Фаине Раневской – они в этой картине настоящие, равные партнеры! Поражались широте творческого диапазона звезды: она одинаково убедительна, играя и утонченную русскую аристократку в фильме «Гранатовый браслет», и легкомысленную, ветреную, эксцентричную Маргалиту в комедийной ленте «Чудаки», и романтическую Татьяну из «Евгения Онегина», и героиню Бальзака из фильма «Евгения Гранде». Про эту роль писали: «Актриса органично и очень точно создала образ дочери главного героя, прошедшей путь от юной девочки до властной владелицы огромного состояния. Работа в этой картине продемонстрировала большие актерские возможности Шенгелая».

И в заключение. Грузия высоко оценила огромный вклад Ариадны Шенгелая в отечественное искусство еще одной «звездой» – актрису наградили Орденом Чести.

Гость из Дубны – академик Бруно Понтекорво (в центре)

«НЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ТАБЛИЦЫ УМНОЖЕНИЯ»

■ Омар ШУДРА

Президентом Академии наук Грузии в течение почти 20 лет (1986-2005 гг.) был ученый с мировым именем, академик А.Н. Тавхелидзе.

Альберт Никифорович (Алеко) – является основателем ряда научных направлений в теоретической физике. Его имя носят многие понятия, формулы, уравнения. А.Тавхелидзе – соавтор не одного открытия. Несколько раз был представлен на Нобелевскую премию. Он – академик РАН и АН Грузии, член ряда зарубежных академий наук, лауреат Ленинской и Госпремии СССР и РФ, почетный доктор нескольких физических институтов России и за рубежом, имеет другие государственные награды. По его

инициативе основали исследовательские институты, научные журналы, провели международные конференции, школы.

Крупный организатор науки А. Тавхелидзе воспитал широко известную в мире школу физиков-теоретиков Грузии, способствовал обучению научных кадров в ведущих научных центрах России, Грузии, Украины, Болгарии и др. Трудолюбивый, энергичный и харизматичный, он был ангелом-хранителем для талантливой молодежи.

А. Тавхелидзе родился и учился в Тбилиси. Докторскую

диссертацию защитил в 33 года в Москве. В то время это было редким явлением. В 1956 году в Международном Институте ядерных исследований (г. Дубна) его пригласил директор, академик Н.Н. Боголюбов.

Дубна (ныне – Научный центр «Дубна», как Пуцзино и Королев) был оазисом в СССР, где атмосфера высокого научного уровня, доброжелательности и демократичности способствовала творческому росту сотрудников (это единственный российский город, название которого увековечено в таблице Менделеева – «Дубний»).

А. Тавхелидзе боготворил своего руководителя – Н.Н. Боголюбова, которого все называли гением от Бога, Учителем: он уже в 21 год был доктором наук, в 27 лет – завкафедрой математики Киевского университета, в 1950-53 годы вместе с А. Сахаровым делал расчеты водородной бомбы в сверхсекретном Арзамас-16 (сейчас – г. Саров),

Профессор А. Тавхелидзе (справа)

хотя будучи верующим – никогда не был членом КПСС.

У Н. Боголюбова и А. Тавхелидзе (заместитель директора Лаборатории теоретической физики) был общий секретарь Н.С. Исаева, очень опытная, вышколенная, все помнящая наизусть и поэтому работающая без традиционных для секретарей-референтов бумажек.

Из-за огромной умственной нагрузки теоретиков на третьем этаже Лаборатории (на правах института) была традиционная, комфортная «кофе-комната» с доской для дискуссий. А поблизости – кафе.

1969 год. Самая успешная, «косыгинская» пятилетка. Запорошенные снегом улицы Дубны. Вечер. Дом ученых. Рядом с кафе маленький, уютный и приятно теплый зал для чтения, где можно было просмотреть (без привычных библиотекарей) газеты и журналы почти всех стран мира.

С газетой в руках сидит А. Тавхелидзе, в красных пятнах на лице после напряженного рабочего дня. Я, тогда аспирант-электронщик Лаборатории вычислительной техники (для теоретиков – «технар») с моло-

дежной фамильярностью подхожу и прошу помочь, чтобы он, имея связи в дирекции Института, достал для перевозки оптической аппаратуры в Тбилиси... грузовик.

Естественно, он обругал меня. Известно, что первое впечатление имеет огромное значение... С тех пор, несмотря на то, что я стал членом дирекции и ученого совета им же созданного института в Тбилиси,

Коттеджи ученых в Дубне

Тавхелидзе всегда косо, насто-роженно смотрел на меня... (а аппаратуру я все-таки послал поездом).

В 1970 году А. Тавхелидзе стал директором Института ядерных исследований АН СССР (г. Москва). Будучи профессором МГУ, он подобрал молодые кадры и создал известную в мире школу теоретической физики. Институт объединил исследования в области астрономии, астрофизики, космологии. Здесь родилась нейтринная физика – новый метод изучения природы. Институт имеет экспериментальные установки в г. Троицк, Баксане, оз. Байкал, Италии и на Украине.

А. Тавхелидзе был большим патриотом и искренне любил Грузию. Поэтому одновременно работал с воспитанием кадров из Тбилиси, что завершилось созданием Института физики высоких энергий (ИФВЭ) ТГУ (1980г.) и теоретического отдела в институте математики АН ГССР им. А. Размадзе.

ИФВЭ ТГУ в те годы был одним из лучших в мире – его физиков высоко ценили (и ценят) в мировом научном сообществе.

Создавая Институт, Тавхелидзе и Нодар Амаглобели (директор Института), опасались впасть в «научный провинциализм». По молодости я не сразу понял, что это означает. Тогда Н. Амаглобели популярно объяснил: «Вот ты сейчас работа-

Н. Амаглобели среди членов ученого совета ИФВЭ ТГУ

А. Тавхелидзе (в центре) среди грузинского землячества 70-х годов. Дубна

Н. Боголюбов (рядом с А. Тавхелидзе)

есть с измерительным микро-скопом. Если просверлить его корпус, измерить его глубину, затем все хорошо оформить и об этом написать статью...»

«Зовите меня просто Алеко», – предупредил А.Тавхелидзе грузинское землячество Дубны еще в 60-е годы.

Женился Алеко в 37 лет (супруга – Майя Меунаргия). Жил в Дубне в двухэтажном коттедже стандартной застройки атомного ведомства, а в Москве – на Ленинском проспекте.

Необыкновенно энергичный и целеустремленный, удивлялся, когда его коллеги брали от-

пуск, «теряли время» на альпинизм, горные лыжи, походы и т.п.

Человек культурный, никогда не разговаривал по-грузински, если хоть один из присутствующих не понимал языка. И даже в окружении грузин часто беседовал по-русски.

Алеко, сам будучи не из робкого десятка, не любил слабых, стеснительных подчиненных. Не любил также отмечать свои дни рождения и избегая подхалимов, всегда исчезал за границей.

Рассказывая об Алеко, легко впасть в идеализацию, что часто можно встретить в воспоминаниях о выдающихся людях. Но идеальных людей не бывает, и такой образ чужд самому образу Алеко, с его человеческими слабостями.

У мужественного, красивого, шумного, с чувством юмора, преуспевающего во всем Алеко, естественно, появились завистники и недоброжелатели. Менее талантливые и менее работоспособные коллеги и чиновники всячески раздували его человеческие слабости и ставили в упрек – то «разбазаривание академического хозяйства», то – «создание научной мафии и научный феодализм», то увлечения красивыми женщинами и даже то, что он... «все-таки грузин».

В последние годы жизни он был научным руководителем Института ядерных исследований в Москве, ведущим научным сотрудником в Дубне, заведующим кафедрой МГУ им. Ломоносова. Жил в окружении любимых учеников – академиков (Сисакян, Матвеев, Рубаков, Кадышевский и др.) – руководителей крупных институтов и... внуков.

Скончался Алеко, почетный гражданин Тбилиси, Телави, Багдади и Троицка (РФ) в возрасте 79 лет. Похоронен в Москве.

Алеко был уверен, что наука интернациональна. Он не считал себя ни грузинским, ни русским физиком, и часто вспоминал в своих интервью слова А. Чехова: «нет национальной таблицы умножения»...

На пресс-конференции

КОНСТАНТИН ЧЕРНЫШЕВ: «ЖИЗНИ БЕЗ ТЕАТРА НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ»

■ **Нина ШАДУРИ**

В конце прошлого года спектаклем «Шинель» Театр Грибоедова открыл Первый международный фестиваль русских театров зарубежья в Москве. Грибоедовцам выпала честь играть на сцене театра на Малой Бронной. Если кто не знает, любому выступлению за пределами страны предшествуют долгие переговоры директоров театра – обсуждаются условия, гарантии и деловые подробности. Московский директор был тверд, категоричен и требовал условий, максимально удобных для своего театра. «Профессионал!» – с уважением заметил Николай Свентицкий после очередного телефонного разговора с коллегой. Свентицкий не ошибся. Театр на Малой Бронной встретил грибоедовцев так, что у тбилисских гастролеров не возникло ни вопросов, ни пожеланий – все было организовано безупречно, а сам директор, как капитан, все время оставался «на борту». Автору этих строк повезло познакомиться и поговорить с «капитаном» – не только знатоком своего дела, но и очень обаятельным, доброжелательным человеком, которого, к тому

же, как выяснилось, связывают с Грузией свои, личные, отношения. И как, скажите на милость, было не попросить об интервью? Итак, наш собеседник – Константин Витальевич Чернышев, директор Московского драматического театра на Малой Бронной, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель Школы-студии МХАТ.

– Начнем с начала. Почему в свое время вы решили поступать именно в ГИТИС?

– Выбор института был достаточно случайным. Не могу сказать, что это было мое осознанное решение. Иногда так бывает, что люди совершают какие-то поступки, которые не могут сами себе объяснить. Я не стремился стать ни актером, ни режиссером и поступал на отделение планирования и организации театрального дела на базе театроведческого факультета. Участь в ГИТИСе, я не собирался работать в театре. Но сейчас, по прошествии многих лет, я себе жизни без театра не представляю. Так что многое в жизни происходит независимо от нас.

– Кого из педагогов вспоминаете с особой благодарностью?

– У нас были прекрасные педагоги, и кто-то из них до сих пор продолжает работать. Например, Юрий Матвеевич Орлов, профессор, доктор искусствоведения, основатель кафедры менеджмента сценических искусств, которая раньше называлась кафедрой планирования и организации театрального дела. Нам читали лекции профессор Геннадий Григорьевич Дадамян, доцент Галина Владимировна Лукина, много интересных уникальных людей, которые рассказывали нам, что такое театр.

– Вы начали свой путь в театре Маяковского. Простите за наивный вопрос, но чем драматические театры вообще отличаются друг от друга?

– Похожих театров не существует. Каждый театр уникален. Театр Маяковского, в тот момент, когда я поступил туда на службу, был одним из самых звездных театров в Советском Союзе – Джигарханян, Гундарева, Лазарев, Немоляева, Костолевский, Виторган, Фатюшин, Симонова... Это была коллекция выдающихся артистов, известных всем жителям нашей огромной страны. Театр на Малой Бронной тоже когда-то проходил период звездности... А когда я перешел из театра Маяковского в театр на Малой Бронной, это был фактиче-

ски театр одного артиста – Льва Дурова. Но до сих пор, когда мы приезжаем на гастроли в регионы, убеждаемся, что театр помнят благодаря его истории, именам Андрея Гончарова, Анатолия Эфроса, Александра Дунаева... В этом театре послужило достаточно много известных режиссеров. Вообще, это всегда был режиссерский театр. Вне зависимости от того, какие актеры здесь служили, на первый план всегда выходили режиссеры.

– То есть зрители ходили не на актеров, а на постановки?

– Да. Например, когда здесь работал Сергей Женовач, театр был не очень звездным. Но зрители ходили. Ходили именно на Женовача. В этом, мне кажется, и состоит особенность театра на Малой Бронной.

– Расскажите о вашей преподавательской деятельности.

– Я много лет преподаю в школе-студии МХАТ. Конечно, на продюсерском факультете. Через год выпускаю курс. Мне нравится общаться с молодыми. Они совершенно другие, не похожие на нас. У них другие взгляды, другое понимание театра. Мы много спорим... Я понимаю, что театр – явление разностороннее. Но есть вещи, которые молодым нравятся, а меня абсолютно не трогают. На мой взгляд, в их восприятии внешняя форма, картинка, пре-

валирует над содержанием. Для них важно не «о чем», а «как». Красивая обертка кажется им более значимой и достойной внимания, чем то, что внутри обертки... Но все-таки атмосфера в школе-студии МХАТ мне очень по душе, хотя я и выпускник ГИТИСа. Школа-студия – небольшая, компактная, и все, кто там учится, кто преподает, постоянно между собой взаимодействуют. Семейная атмосфера. Мне нравятся люди, которые там работают, и все, что там происходит.

– Какое значение для театра имеют традиции? Или театр должен каждый день начинать свою жизнь заново?

– Как я уже сказал, наш театр неотрывно связан с именами выдающихся режиссеров. Начиная с момента основания театра в 1946 году и по сей день в истории театра есть блоки, когда им руководили великие люди. Я могу сказать, что и само здание, где театр работает почти шестьдесят лет, тоже наполнено определенной энергетикой – в 1920 году здесь открылся ГОСЕТ, Государственный еврейский театр, Соломон Михоэлс ставил спектакли и играл, Шагал создавал декорации. Как шутят театральные люди, призрак Михоэлса до сих пор бродит по театру. Традиции, которые закладывали эти люди, до сих пор живы. Я могу сказать, что и сейчас в труппе работают

актеры, которые начинали еще с великим Гончаровым в здании на Спартаковской улице. Сохраняется преемственность. Я не думаю, что театр должен все время начинать заново, более того – это не совсем правильно. Летом прошлого года в должность художественного руководителя вступил Константин Богомолов. Несмотря на то, что многие считают его революционером и человеком, который не придерживается никаких традиций, за прошедшие полгода он не уволил ни одного артиста. Наоборот, всем тем, кто в этом театре служит многие годы, он дает возможность работать. Репертуар по-прежнему наполнен спектаклями, которые выпускались до прихода Богомолова. Никаких преобразований типа «давайте все разрушим до основания, а потом на этих руинах что-то построим» нет.

– Тем не менее, планы на будущее есть?

– Конечно. Определенная ротация и так наблюдается все время. Недавно, к несчастью, скончалась актриса Екатерина Львовна Дурова. Потеря невосполнимая, и из репертуара сразу ушли три спектакля, которые были неразрывно связаны с творчеством этой актрисы. Такие вещи происходят в любом театре. Но это не революция, а эволюция. Константин Богомолов планирует за этот сезон вы-

Константин Чернышев со своими магистрантами

Сцена из спектакля «Женщина-змея»

пустить шесть новых спектаклей. Но репертуар не может увеличиваться до бесконечности. Ясно, что новые названия будут сменять старые, и через два-три года репертуар будет кардинально другим... Богомолов – очень интересный режиссер, хотя к нему плотно приклеен ярлык режиссера, который постоянно занимается провокациями на сцене. Я знаю его давно, еще с тех времен, когда он учился у Гончарова, это был последний курс Андрея Александровича в ГИТИСе. Богомолов – очень разный, очень умный режиссер, и я думаю, что те спектакли, которые сейчас будут делать лично он, спокойно лягут в канву традиций театра на Малой Бронной. Например, комедия «Покровские ворота» Зорина, которую планирует ставить сам Богомолов, когда-то шла здесь, на нашей сцене – Михаил Козаков поставил спектакль, а потом снял фильм. Вот появится этот спектакль, и многие из тех, кто считает, что Богомолов способен только на эпатаж, увидят, что он очень разноплановый и может делать то, чего от него и не ожидают – в хорошем смысле этого слова. Сейчас он завершает те проекты, которыми был занят до того, как ему поступило предложение возглавить наш театр, и потому насыщает репертуар работами других режиссеров. Мы уже выпустили «Норму» по роману Владимира Сорокина в постановке Максима Диденко, комедию «Женщина-змея» Гоцци в постановке Олега Долина.

Ближайшие премьеры – детский спектакль «Лунная масленица», который ставит Филипп Григорьян, и «Тарас Бульба» режиссера Александра Молочникова. В апреле ожидается спектакль самого Богомолова – «Покровские ворота». Парад премьер завершит спектакль «Темные аллеи» по Ивану Бунину, его поставит очень интересный режиссер Владислав Наставшев. Так что репертуар наполняется хорошими названиями, красивыми историями. Несмотря на то, что «Норма» поначалу вызвала бурю негативных реакций со стороны православной общественности, этот спектакль пользуется постоянным зрительским спросом. Хотя это первый спектакль, выпущенный не на нашей сцене, а во Дворце на Яузе, куда мы пе-

Сцена из спектакля «Норма»

реежеем на два года на время ремонта.

– Есть такие театры, где художником и директором является одно лицо. Как вам кажется, театром должен руководить один человек?

– На мой взгляд, самая оптимальная структура управления театром, это когда во главе стоят два человека – директор и художественный руководитель. Единственная оговорка – эти люди должны быть соратниками. При этом, на мой взгляд, директор всегда должен быть помощником художественного руководителя и не перетягивать на себя одеяло. Я вырос в театре Маяковского, в то время, когда понятия «художественный руководитель» еще не появилось, и де юре директор всегда был главным. Главный режиссер Гончаров даже не возглавлял художественный совет в театре Маяковского. Но при этом все знали, что театром руководит Гончаров. Театр хорош тогда, когда во главе стоит творческая личность. А директор должен оставаться главной опорой, поддержкой, товарищем и не пытаться стать главнее главного. Меня часто спрашивают, считаю ли я себя продюсером? Всегда отвечаю: нет. Я хороший менеджер. Продюсером является художественный руководитель. Продюсер – тот тот, кто, в первую очередь, генерирует идею и потом будет за нее отвечать – за ее успех или неуспех.

– В одном из интервью вы сказали, что «рецепта успеха для театра не существует».

– Это сложная история. Кого обвинить в том, что на спектакль не проданы билеты? Понятно, что найти виноватого всегда просто. Если спектакль плохо продается, для творческих людей все очевидно – плохо работает администрация. Никто никогда не скажет, что не угадали с темой, с пьесой, с исполнителем главной роли. А если билеты продаются хорошо, значит, это заслуга режиссера и артистов. Но в театре, на самом деле, все настолько переплетено, что найти однозначно виноватого в неуспехе очень сложно. Так же, как и на сто процентов предугадать успех. Иногда кажется, что у спектакля есть все составляющие коммерческого успеха, а в итоге билеты никто не покупает. Почему? Я, прожив 30 лет в театре, не могу однозначно объяснить. А иногда все случается вопреки. Как произошло, например, со спектаклем «Варшавская мелодия». Десять лет назад Сергей Голомазов, тогдашний худрук театра на Малой Бронной, решил поставить эту пьесу, и даже у автора, Леонида Зорина, были сомнения – кто это сегодня будет смотреть? Но прошло десять лет, и на этот спектакль невозможно купить билет. Мы играем его два раза в месяц, 18 раз в год, билеты дорогие, но – абсолютные аншлаги. Хотя пьеса написана 60 лет назад и рассказывает о событиях, которые сегодня для многих непонятны. А спектакль идет и пользуется бешеным спросом. Так что тут все очень непредсказуемо... Конечно, театр должен продвигать свои спектакли, нужна реклама, информация, пиар, общение с аудиторией и так далее. Но все равно – может случиться, а может и не случиться.

– Как вам кажется, зачем вообще человеку надо ходить в театр?

– А зачем человеку учиться? Ходить в школу? Читать? Театр – это не только развлечение, не только зрелище, но и огромный институт просвещения. Просветительскую функцию театра вряд ли что-то может заменить, потому что в театре ты видишь то, что происходит сегодня и сейчас.

Сцена из спектакля «Варшавская мелодия»

Каждый спектакль – уникален. Это не кино, снятое один раз и на всю оставшуюся жизнь. Можно ходить на одно и то же название несколько раз и каждый раз находить для себя что-то новое. Дело в том, что жизнь артистов на сцене очень зависит от того, какой сегодня зритель в зале, удастся ли найти с публикой обратную связь. Это живая конструкция. Я знаю совершенно точно, что когда в Германии очень крупная производственная компания рассматривала несколько городов с целью расширения своего производства, то в итоге выбрала город, где был стационарный театр, потому что на Западе считается, что люди, которые имеют возможность смотреть театральные спектакли, более восприимчивы к новому, быстрее осваивают новые профессии, новые технологии. У этих людей более подвижные мозги. Так что театр – это не просто развлечение. В театр ходить надо – хотя бы для общего развития.

– Константин Витальевич, а что вас связывает с Грузией?

– Огромный отрезок жизни. Так сложилось, что мой дедушка работал в Грузинском пароходстве. Они с бабушкой жили в Батуми, на улице Ленина. Дом сто-

ял прямо на выходе на бульвар, к фонтанам. Там такая красота... Мои родители окончили школу в Батуми. Там и познакомилась. Каждое лето я проводил в этом городе и знаю Батуми очень хорошо. И очень люблю, хотя давно не был... Так что меня многое связывает с этой прекрасной страной.

– Можем ли надеяться на скорый приезд театра на Малой Бронной в Грузию? А то уже более сорока лет прошло...

– Вы же понимаете, это не просто. Поехать потому, что очень хочется, – не получается. Вывезти театр на Малой Бронной – это значит вывезти декорации, артистов, постановочную часть и так далее... Кто-то должен финансово поддержать такие гастроли. Если бы такая поддержка нашлась, мы бы приехали с большим удовольствием. В Грузии фантастические традиции русского театра, многие по-прежнему прекрасно говорят на русском языке, и переводчики нам не требуются.

Благодарим за помощь в записи интервью Анну Наводничую

Центральная площадь довоенного Тифлиса

МИХАИЛ ДЖАВАХИШВИЛИ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

■ Леван ДОЛИДЗЕ

Взяться за перо меня заставили отнюдь не только юбилейные даты, тем более, что главная из них уже позади. Писатель, редактор и журналист Михаил Саввич Джавахишвили (фамилия при рождении Адамашвили, родился в 1880 г.) – истинный патриот земли грузинской – погиб в 56 лет от пули палача-энкаведешника 30 сентября 1937 года...

Интерес к личности Михаила Джавахишвили привел меня в государственный архив литературы и искусства Грузии. Просматривая и изучая документы и материалы о жизни и творчестве писателя, горячо любившего Грузию, я был буквально потрясен открывшимися фактами, которые прежде были известны лишь узкому кругу лиц.

Человек гордый и мыслящий, отличаясь яркой творческой выразительностью, высокой гражданской порядочностью и обладая силой божественного дара Михаил Джавахишвили не ра-

болепствовал перед новой (советской) властью (как и прежде – перед царским самодержавием), за что не раз высылался за пределы Грузии и даже сидел в Метехской тюрьме. Его взгляды не вписывались в режим единомыслия, беспощадный по отношению к инакомыслящим и инакодействующим. Что означало: он был обречен, как и многие другие, являвшие собой цвет и гордость нации.

Период, о котором мы повествуем, еще свеж в памяти старейших партийцев и литераторов. Тогда, как известно, на высших партийных форумах давались оценки и произведениям литературы и искусства. Главным критерием при этом была идеологическая направленность. Больше всех доставалось, пожалуй, Михаилу Джавахишвили, которого остро критиковали все партийные руководители, после чего (а иногда и раньше) разнос учинял ему писательский «суд».

Приведем выдержки из некоторых документов.

6 июля 1929 года. Работает VI съезд КП(б) Грузии. Выступает секретарь ЦК КП(б) Грузии Миха Кахиани. Он подвергает резкой критике Михаила Джавахишвили за его повести «Черная скала» и «Красная пуговица», как не отвечающие идеологическим требованиям дня. Еще раньше Кахиани распорядился «арестовать» автобиографический роман Джавахишвили «Гиви Шадури», наполовину уже набранный. Роман вышел в свет, но с купюрами. На партийных съездах и конференциях подвергались критике все произведения Джавахишвили, даже исторический роман «Арсен из Марабды».

Справедливости ради заметим, что 24 ноября 1928 года на пленуме Ассоциации грузинских пролетарских писателей (кстати, непролетарскими писателями тогда считались Михаил Джавахишвили, Григол Робакидзе, Константинэ Гамсахурдиа, Николоз Мицишвили и некоторые другие) выступил ее председатель Бенито Буачидзе, который, говоря о правом уклоне группы писателей, подчеркнул: «...их центральная фигура Джавахишвили напечатал рассказ «Дампатиже» («Пригласи к себе»), который представляет собой определенное искажение совет-

Михаил Джавахишвили

ской действительности. И если не эта цель была у автора, то это полное незнание нашей деревни. Здесь выведены якобы существующие определенные пролетарские кадры, бессовестно разоряющие село. И если до сегодняшнего дня село разоряли господа правители, то сегодня его разоряют государствующие пролетарии. Вот что чувствуется. Это больше всего характеризует порнографию и отрыв от жизни писателя. Джавахишвили пишет явно порнографические произведения – «Ненасытный» («Мусуси»), «Золотой зуб», «Маленькая женщина». Эти произведения полностью выявляют отрыв от современности. О Джавахишвили столько говорю потому, что, к сожалению, он занимает одно из значительных мест среди наших писателей и его тенденциозность носит опасный характер. В будущем возможен его полный переход к писателям, выражающим буржуазный феодализм...».

Спустя три года, 3 сентября 1931 года, на VI пленуме Ассоциации грузинских пролетарских писателей докладчик Бенито Буачидзе в очередной раз критикует творчество Михаила Джавахишвили. Цитирую выдержки из принятой резолюции: «...Фактически под антисоветским флагом объединено целое писательство

(П. Ингороква).. Характерны для их классовой вражеской идеологии: шовинизм и пропаганда дворянских традиций (К. Гамсахурдиа). Систематические попытки оживления феодальной романтики и защиты воинствующих идей национал-демократии (Г. Кикодзе), художественное воплощение буржуазных идей (Гр. Робакидзе), городская клевета и искажение советской действительности (Мих. Джавахишвили), идеализация феодального прошлого и тенденция привыкания к притворству (Ш. Дадиани) и др. Безусловно, для развития советского писательства считаю необходимым распустить реакционный писательский центр – «Ассоциацию академических писателей».

Знакомясь с подобными документами, не перестаешь удивляться оценкам творчества лучших писателей Грузии... Время было такое, что для вступления в Союз писателей критерием являлся не талант, а преданность большевистскому учению, классовая ненависть, участие в поисках «врага». Увы, нашлись «литераторы», охотно включившиеся в этот поиск. Литературные и не только литературные архивы Грузии хранят имена, которым ничего не стоило заложить своего собрата по перу, естественно, более талантливого, более благородного, более возвышенного. Посыпались доносы один другого хлеще.

В рукописном фонде Грузинского литературного музея хранится немало подобных документов. Два из них – доносы

на Михаила Джавахишвили. Под грифом «Секретно» один адресован партгруппе Союза писателей Грузии и датирован 25 июня 1935, другой – спустя полтора месяца был направлен в ЦК КП(б) Грузии. Подпись одного и того же лица – грузинского писателя.

Подобные доносы «собратьев по перу», попадая в так называемые компетентные органы, стоявшие на страже сталинского режима, приводили к санкциям. Михаил Джавахишвили остро переживал всю эту вакханалию зависти, подлости, фальши, хотя его жизнь не была безоблачной, удары судьбы закаляли его. Так, будучи на учебе в Крыму 19-летний Михаил лишь случайно (из обрывка грузинской газеты, привезенной с собой его сокурсником) узнает о трагедии, разыгравшейся в доме, построенном в Сиони его отцом, переселившимся сюда из села Церакви. В ночь под Новый 1899 год его мать и четырнадцатилетнюю сестричку Софику ударом топора убил в пьяном угаре односельчанин. Потрясенный страшным горем отец будущего писателя все же нашел в себе силы скрыть трагедию от сына, чтобы не мешать его учебе. Через год скончался и отец.

Окончив русскую школу (грузинской ни в селе Церакви, ни в ее окрестностях тогда не было), а затем проучившись в Крыму четыре года, Михаилу Джавахишвили пришлось шлифовать свой грузинский язык. Кстати, в этом ему очень помог писатель Иосиф Имедашвили, который привязался к своему новому

Михаил Джавахишвили и Галактион Табидзе

Делегация грузинских писателей на Конгрессе дружбы народов Закавказья. Баку. 1929

другу и до конца жизни был предан этой возвышенной дружбе.

Тот первый страшный удар судьбы оставил глубокую рану в сердце юноши. За этим последовали другие, причинившие ему невероятные душевные страдания. Но он все эти муки носил в себе, не перекладывая их тяжесть на плечи других. В одном из блокнотов писателя есть такая запись: «Говорят, что двадцать лет – это весна жизни. Мне было и 20, и 23, и 25, а весны все-таки не было и не предвиделось. Пока была осень...».

Осенней была вся последующая жизнь писателя. Вряд ли можно найти в истории современной грузинской литературы фигуру более трагичную, чем Михаил Джавахишвили. Но что бы ни происходило в его судьбе, он оставался глубоко порядочным человеком, заботливым и внимательным к тем, с кем общался. К своим коллегам в том числе. Приведу две выдержки из писем, хранящихся в его семейном архиве.

Пишет Анна Антоновская: «Глубокоуважаемый Михаил Саввич!.. Сердечно благодарю за такое внимание. В наше суровое время, когда люди только

и заняты собой, особенно ценно хорошее отношение. Вы же в отношении ко мне и к «Великому моурави» оказали большое внимание. Такие случаи я не забываю. Надеюсь, что и вторая книга заслужит Ваше одобрение... Как поживают Ваши супруга и дочери? Шлю им привет с далекого Севера, Где уже месяц, как не светит солнце и люди живут бесцветными днями... Жму Вашу руку, уважаемый Михаил Саввич. Искренне Ваша, верная Вам Анна Антоновская. 10 октября 1932 г.».

А вот отрывок из адресованного Михаилу Джавахишвили письма Дмитрия Гулиа, написанного по-грузински: «...Вчера неожиданно для себя получил спешное письмо от профессора Саргиса Какабадзе. Он пишет, что встречался с Вами и узнал от Вас, что я буду получать из Литфонда сверх получаемой пенсии 150 рублей ежемесячно, и что Вы обещали помочь увеличить мою жилплощадь, приобретая для меня две комнаты. Далее проф. Какабадзе сообщил Ваш адрес, чтобы послать Вам заявление, указав приблизительную стоимость этих двух комнат. Очень и очень благодарю Вас

за такое благожелательное отношение ко мне. 31 марта 1937 г.».

1935-й год – начало массовых репрессий, кровавое наступление на лучших сынов Грузии. Арестован руководитель театра им. Руставели Сандро Ахметели, чей новаторский талант высоко ценил Михаил Джавахишвили. Затем настала очередь Григола Робакидзе, изгнанного из пределов Отечества (что и спасло его от неминуемой гибели). Несмотря на тяжесть обвинений в адрес этих выдающихся деятелей грузинской культуры и сложность ситуации, Михаил Джавахишвили, к тому времени широко известный писатель орденосец, член ЦИК Грузии, нашел в себе смелость не только не чернить этих людей, но и честно сказать как об отдельных упущениях, так и о больших заслугах. Это было с его стороны, как отметила бывшая заведующая отделом использования и публикаций документов ЦГАЛИ Нино Кикодзе, по-человечески смелым шагом, ибо второго кто бы это сделал не нашлось среди присутствующих на этих позорных судилищах-расправах.

Несмотря на постоянные удары судьбы-злодейки, Михаил

Джавахишвили стремился утверждать справедливость, сеять добро. Как вспоминала его старшая дочь Кетеван Джавахишвили, чья великолепная книга воспоминаний об отце после краха СССР была издана в Тбилиси: «Однажды он вернулся домой взволнованный, рассерженный и сказал: «Несчастные они, ничего не понимают и этим дело портят. Посмотри, что сделали – улицу Святого Давида переделали в Давидовскую улицу. Совершенно не понимают, что этим искажают наш язык и нашу культуру. Я этого так не оставлю». Действительно он потратил целый день на звонки, хождение по нужным инстанциям. Пока не добился своего».

В 1937 году первый секретарь ЦК КП(б) Грузии Лаврентий Берия принял решение разрушить храм на Метехском плато, связанный с именем святой Шושаник, почитаемой в православной Грузии. Но об этом решении общество не было поставлено в известность. Узнав о нем каким-то образом, передовая грузинская интеллигенция была крайне возмущена. Михаил Джавахишвили к тому же опасался, что разрушение Метехского храма послужит прецедентом и приведет к разрушению других шедевров древнегрузинского зодчества. Однако в самый последний момент многие спасовали и открыто против этого решения не выступили. Это сделали четверо – Михаил Джавахишвили, директор Метехского музея, большой патриот Дито Шеварднадзе и еще двое. Свое Михаил Саввич отстаивал, но дорого, однако, это обошлось «бунтарям».

17 августа 1937 года во Дворце искусств (так тогда называли Дом грузинских писателей, расположенный на ул. Мачабели) состоялось совместное заседание президиума и актива Союза советских писателей Грузии. Сохранился протокол этого инквизиторского заседания, зафиксировавший разыгранный здесь трагифарс. В повестке дня был и такой вопрос: «О выявленном враге народа Мих. Джавахишвили». С информацией выступил тогдашний председатель Союза писателей Давид Деметрадзе, доложивший присутствующим: «Мих. Джавахишвили оказался

Михаил Джавахишвили (в центре) с грузинскими писателями

участником банды предателей Родины и советского народа, шпионом и диверсантом. Эти неопровержимые факты доказаны. И это никого не удивит, так как сказанное ярко подтверждает вся его писательская и гражданская биография». Далее докладчик продолжил свои обвинения: «Известно, что у Мих. Джавахишвили достаточно большой стаж предательской и контрреволюционной деятельности. Возвращенный в грузинской буржуазно-националистической среде, он враждебно встретил победу пролетарской революции и с первых же дней существования советской власти в Грузии принял активное участие в реставрации контрреволюционного господствующего класса... В создании высокой репутации как советского грузинского писателя ведущая роль принадлежит уже выявленным и истребленным врагам нашего народа М. Торшелидзе, Бен. Буачидзе и др...».

Затем в прениях выступили девять писателей (список приведен в протоколе), которые во всем соглашались с докладчиком, говорили о том, что Мих. Джавахишвили никогда не был советским писателем... Замакированному шпиону и врагу народа не хватило ума до конца скрыть свои темные замыслы, что он защищал теорию фашистской крови, был против организации советского народного хозяйства и создания крупных заводов и фабрик, в кулуарах повторял клеветнические измышления Анрэ Жида о советском народе. Литературные падения

и срывы Мих. Джавахишвили не носили случайный характер, это была система его работы. Джавахишвили, как враг народа, шпион и диверсант должен быть исключен из рядов Союза писателей и сметен с лица земли». Постановили: «Мих. Джавахишвили, как врага народа, шпиона и диверсанта исключить из Союза писателей и физически уничтожить».

Карающий меч «инженеров человеческих душ» в тот злосчастный день обрушился еще на нескольких грузинских писателей, не подозревавших, что пройдет время и трагическая участь постигнет самого докладчика – председателя Союза Давида Деметрадзе (возможно, не всем известно о его пребывании на этом посту – в то время руководителей писательского союза меняли чуть ли не ежеквартально).

Михаил Саввич Джавахишвили не был свидетелем подлой вакханалии его «собратьев по перу». Не видел и не слышал всего того, что о нем говорили – еще 15 августа 1937 года он под конвоем был доставлен в Тбилиси из Квишхети, где ослабевший и измотанный от всех склок и измученный от всех склок и дрязг отдыхал с семьей. 30 сентября его расстреляли. Вскоре после этого семью «врага народа» Михаила Джавахишвили – супругу Любовь Ивановну Джачвадзе с дочерьми – 23-летней Кетеван и 8-летней Русудан вместе с тещей выселили из их дома по Верийскому спуску, 21.

ВКУСНЫЕ КНИГИ

— Анастасия ЭРИСТАВИ

Книги о еде – совершенно неисчерпаемая тема. Вместить в нее все рецепты, изюминки, секреты, да и разнообразие вкусов – просто невозможно. Но даже чуть-чуть прикоснуться к ней – большое удовольствие. А для тех, кто любит готовить и для тех, кто обожает вкусно поесть, это удовольствие высшего порядка. Ведь с едой связан огромный пласт культуры и искусства: здесь не только гастрономические справочники и книги о здоровой пище, но и замечательные литературные произведения, прекрасные картины, великолепные натюрморты и многое-многое другое.

Но прежде небольшое личное воспоминание, которое и стало, собственно говоря, своеобразным толчком к поиску книг о еде. Было это в 90-х годах прошлого века. Автор этих строк работала тогда на радио. И вела разного рода передачи. Радость состояла в том, что автору предоставлялось право выбора темы, предмета рассказов, размышлений, информации и разного рода сведений. Одна из программ была посвящена литературным персонажам, которые

любили вкусно поесть или же сами прекрасно готовили. Надо ли напоминать о том, что 90-е годы в Грузии были тяжелыми, холодными и голодными. В один из таких вечеров, когда вокруг было темно, только кое-где гремели генераторы, я рассказывала о героях Рекса Стаута и о блюдах, которые готовил блистательный повар Фриц своему хозяину – толстяку и гурману Ниро Вульффу, большому любителю орхидей и мастеру разгадывать сложнейшие и запутанные детективные истории. Обычно после передачи раздавались звонки от слушателей, на этот раз их было очень много. Удививший меня взрыв интереса к тому, о чем я говорила, да еще в такое трудное, далекое от изысканной кухни время, пожалуй, и стал поводом для последующего поиска всего, что имело отношение – нет, не только к кулинарии, а к людям искусства, увлеченным Едой.

Вот что открылось: творческие люди – писатели, художники, музыканты (многие из них) не только любили хорошую еду, но и сами готовили и оставили потомкам массу интересных

рецептов, а также связанных с ними увлекательных историй. И еще один исторический факт, заслуживающий внимания. Окажется, первый сборник кулинарных рецептов увидел свет во Франции сразу же после изобретения книгопечатания.

Однако о французах – любителях кухонных премудростей разговор еще впереди, а пока вернемся к упомянутому Рексу Стауту. Если внимательно читать его книги, станет ясно, что свои лавры замечательного кулинара он приписал любимому герою. В конце концов Стаут собрал в одном издании «Поваренная книга Ниро Вульфа» все рецепты блюд из своих произведений. Надо сказать, что книга эта имела большой успех. И Памела Трэверс выпустила книгу «Мэри Поппинс на кухне»: это произведение кулинарного искусства было предназначено родителям детей, которые обожают волшебную героиню. А Робер Куртен издал «Рецепты мадам Мегрэ». Это книга с рецептами блюд жены знаменитого комиссара из романов Жоржа Сименона.

Если спросить любого и даже не очень осведомленного в вопросах литературы человека, кто из писателей был большим любителем еды, уверена, что ответ будет правильный: Александр Дюма-отец. «Дюма был гением

жизни», – говорила о нем Жорж Санд. Он был настоящий гурман и, как утверждали люди, близко его знавшие, обжора. Авдотья Панаева, у которой он гостил, язвительно заметила после обильнейшего застолья у нее дома: «Я думаю, что желудок Дюма мог бы переварить мухоморы». У Дюма старшего, судя по количеству написанных произведений (более ста тысяч страниц) и обилию съеденной пищи, были две страсти – писать книги и готовить еду. С пером, как вспоминают его современники, он расставлялся только ради сковородки. На кухне, как и в жизни и творчестве, у него все было избыточно, если затевался обед, то на десятки и сотни приглашенных и незваных сотрапезников, если подавали вино – то оно действительно лилось рекой.

Однажды во время путешествия в Марсель приятель порекомендовал Дюма кухарку, которая не умела готовить. Именно ее писатель нанял с большим удовольствием: ведь теперь у него появился непредвзятый помощник. «Она не будет, – радовался Дюма, – добавлять перец в мой рагу, муку в мои соусы, цикорий в мой кофе, она позволит мне, не воздевая рук к небесам, добавлять вино и бульон в мои омлеты».

«Большой кулинарный словарь», ставший последним произведением писателя, представляет собой не столько рассказ о блюдах, сколько художественное произведение, наполненное рассказами и притчами о том, как строили отношения с едой знаменитые и не очень повара,

Александр Дюма (отец) и его поваренная книга

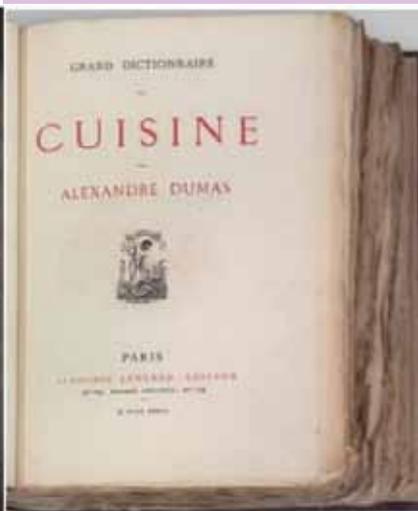
А. Бенедетти. Накрытый стол

правители, исторические личности и просто знакомые Дюма. Всего книга включает около восьмисот новелл и служит не столько руководством для приготовления обеда, сколько способом взглянуть на жизнь и на еду глазами великого романиста. К сожалению, Дюма-отец не успел завершить свой труд, это «вкусное» бремя взвалил на себя Анатоль Франс.

Помимо любви к еде Дюма отличался юмором и исключительной наблюдательностью. И как тут не вспомнить (нет, не

шашлыки, которые ему необыкновенно понравились в поездке по Грузии), что он писал о грузинах: «...Кроме перечисленных качеств грузины имеют еще одно, о котором мы еще не говорили, а теперь – вовсе не в обиду им – скажем. Они имеют носы, каких нет ни в какой стране света». И продолжая тему грузинского носа и внимания к нему...Александра Пушкина, вспомним об истории, записанной поэтом в своем дневнике в 1815 году. «Денис Давыдов является к графу Леонтию Бенигсену и говорит: «Князь Багратион прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...». – «На каком носу, Денис Васильевич? – отвечает генерал. – Ежели на Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать».

В отличие от Дюма-отца – любителя обильной еды, некоторые художники предпочитали легкую пищу: Пикассо, к примеру, ел только овощи, рыбу, рис и виноград. А вот Фрэнсис Бэкон – английский философ и ученый, как утверждают его современники, устраивал почти каждый день пышные трапезы и выпи-

вал достаточно много вина. Его работе это совсем не мешало. Кстати, именно этому философу принадлежит широко и давно употребляемый афоризм: «Знание – сила». Философ считал, что «самое лучшее из всех доказательств есть опыт». Высокая должность лорд-канцлера при дворе Якова I не мешала Бэкону ставить опыты самому. Пожалуй, именно ему кулинары всего мира (и люди искусства, любящие готовить) должны быть благодарны за идею холодильника. Однажды ранней весной 1626 года ему пришла в голову мысль проверить, в какой степени холод замедляет процесс порчи продуктов и нельзя ли для сохранения мяса вместо соли использовать снег. Тушку курицы Бэкон собственноручно нафаршировал снегом и закопал в сугроб. К сожалению, в процессе эксперимента немолодой уже ученый простудился. Перед смертью он успел написать своему другу: «Спешу сообщить вам, что опыт с замораживанием мяса удался очень хорошо». Думаю, стоило бы производителям современных холодильных установок вспомнить о выдающемся философе и в благодарность за идею дать его имя своей продукции.

И продолжая тему француз-писателей, любителей вкусной еды, вспомним Виктора Гюго. Между «гурманом» и «гурме» французы видят огромную разницу: если первый – любитель не только вкусно, но и много поесть, то второй – тонкий ценитель высокой кухни, знающий секреты приготовления изысканных

блюд. В этом смысле назвать знатока гурманом значит задеть его чувства. Тем не менее Гюго, по мнению его семьи и друзей, был именно гурманом. Шарль Огюстен Сент-Бев, литературовед и большой друг писателя, шутил: «Естественная история знает три великих желудка: утки, акулы и Виктора Гюго». Гюго был большим любителем устраивать в своем доме приемы. Правнук Виктора Гюго Флориан называет прадеда «великим едоком». Во время трапезы тот предпочитал, чтобы на столе было много блюд и с каждого брал понемногу. Любимым завтраком писателя были яйца-пашот, поданные с перцем по-баскски. Заметим, что Флориан – профессиональный шеф-повар. В 2012 он издал книгу «Кулинарная книга Гюго». В ней – воспоминания современников о его великом предке, выдержки из писем, фрагменты произведений, рукописных рецептов. Эта поваренная книга стала еще и частью биографии Виктора Гюго, и сборником рецептов.

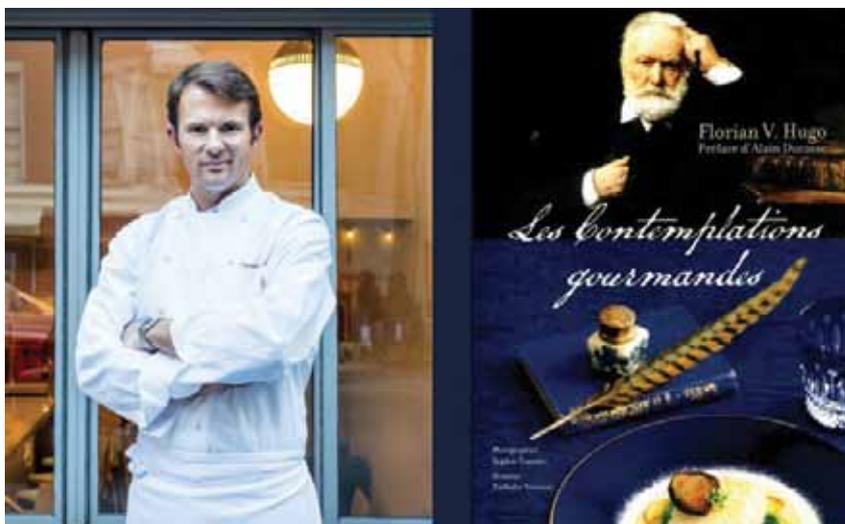
О Франции и французах-любителях вкусной и изысканной кухни можно говорить бесконечно, но переместимся в Грузию, которая имеет свою оригинальную и очень вкусную кухню с древними и интересными рецептами. И раз мы выбрали темой умение писателей и вообще людей искусства готовить и рассказывать о еде, нельзя не вспомнить грузинскую писательницу и поэтессу Барбарэ Эристави-Джорджадзе, которая в 1874 году в типографии Е. Хеладзе издала первую грузинскую поваренную

книгу. Ее полное название: «Грузинские кулинарные, семейные, хозяйственные, проверенные рецепты» (второе издание было осуществлено тифлисским писателем и переводчиком Михаилом Ахпателовым, а третий раз книга «Полная кухня» была опубликована в 1914 году дочерью поэтессы Мананой).

Скажем, что рецепты, представленные в этой книге, до сих пор популярны, и в сегодняшнем Тбилиси успешно работает ресторан «У Барбары», в котором посетителям предлагают блюда по рецептам Джорджадзе. Хотя в некоторые рецепты повара XXI века вносят коррективы сообразно сегодняшним вкусовым предпочтениям, к примеру, больше используют топленое масло, айву, тыкву. Но к бараньим ребрам, запеченным с айвой под красным вином, подают кизилевый соус, приготовленный по старинному рецепту.

Раньше, чем кулинарная книга Джорджадзе, в России появились «Поваренные записки» Сергея Васильевича Друковцева – самое первое кулинарное издание 1779 года, вышедшее в типографии Московского университета. Особенный интерес к этой вкусной книге продиктован, во-первых, тем, что это первая в России кулинарная книга, а, во-вторых, что ее автор... прокурор 1-го департамента Главной провиантской канцелярии в Москве. Сергей Васильевич Друковцев происходил из дворян, был сыном титулярного советника. Как он оказался отцом-основателем русской гастрономии? Выяснилось, что Сергей Васильевич – совсем не прирожденный кулинар. Он лишь представитель российского просвещенного дворянства. Не слишком богатого дворянства, зарабатывающего больше службой, чем доходами от поместья. «Экономическое наставление дворянам, крестьянам, поварам и поварихам» выдержало целых 5 изданий (в Санкт-Петербурге): в 1772, 1773, 1777, 1781 и 1788 годах. В основном это сборники советов, как вести хозяйство, собирать и сохранять урожай, содержать скот и т. п. Специалисты утверждают, что эти Записки вовсе не скучны и не примитивны, а полны интриг и сюжетов.

Флориан Гюго и кулинарная книга его прадеда

«Хотя всяк и знает, как мясо жарить, однако ж я захотел упомянуть всякое мясо. Живность и дичь надлежит прежде за сутки намочить в пресном молоке или воде,.. шпигуется свиным салом по пристойности, жарится на вертеле, обмазывается дичь... лимонным соком. К жаркому дают разный салат, спаржу, цикорий, оливки, огурцы разные в рейнском уксусе, осетринную черную зернистую икру, соленые сливы и лимоны...».

Есть еще одно его кулинарное издание – вышедшая в 1786 году книга «Солдатская кухня». Между тем прокурор известен не только гастрономическим творчеством, но и тем, что он писатель-сказочник: Друковцев был автором и составителем сборников русских народных сказок: «Бабушкины сказки» (1778) и «Сова – ночная птица, повествующая русские сказки, из былей составленные» (1779).

Даже не издавая кулинарных книг, писатели украшают свои произведения заманчивыми описаниями блюд и разного рода вкусоностями. Гоголь слыл большим любителем вкусной пищи. А мы, читатели, как его современники, так и сегодняшние, прекрасно знакомы с бесчисленным перечислением «галушечек, пампушечек, товченичек». Чего только стоит Пацюк из «Ночи перед Рождеством» «...вареник выплеснул из миски, шлепнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскокил вверх и как раз попал ему в рот». А вот обед Чичикова, собиравшего «мертвые души»: «...щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярку жареную, огурец соленый и вечно слоеный сладкий пирожок».

И завершая сегодняшний рассказ, не могу не остановиться на личности великого композитора Джоаккино Россини. За двадцать лет творчества Россини создал четыре десятка сочинений: оперы, оратории, фарсы, пьесы. В историю музыки навсегда вошли великие оперы Россини: «Отелло», «Сорока-воровка», «Севильский цирюльник», «Елизавета, королева Англии», «Осада Корин-

Джоаккино Россини и его «Турнедо-тост»

фа», «Вильгельм Телль». Свою первую оперу «Деметрио и Полибио» композитор написал в шестнадцать лет, а последнюю оперу «Вильгельм Телль» через двадцать с лишним лет. После премьеры своей последней оперы Россини удивил общество заявлением, что с музыкой покончено, и он посвятит себя второй страсти – кулинарии. Для гурмана и обжоры Джоаккино Россини создание новых блюд, изобретение оригинальных рецептов доставляло массу удовольствия. Кулинария была для Россини таким же творческим процессом, как и музыка.

На своей парижской квартире или на вилле в Пасси Россини устраивал роскошные приемы. На этих обедах звучала волшебная музыка композитора, а еще гостей восхищали авторские блюда маэстро. Его рецепты остались в истории кулинарии, как оперы в истории музыки. Изящный салат «Фигаро», многокомпонентные «Турнедо-тосты Россини», цыплята, телячьи котлетки «А ля Россини», блюда из картофеля. Список рецептов получился таким внушительным, что композитор написал кулинарную книгу «Грезы обжорства» или «Россини и грех обжорства».

А его фразы, посвященные Еде, настоящий гимн любви. Любви к жизни. Вот послушайте эту музыку: «Желудок – это дирижер, который управляет огромным оркестром наших страстей. Пустой желудок для меня как фагот, который рычит от недовольства, или флейта-пикко-

ло, которая выражает свое желание в визгливых тонах. Полный желудок – треугольник удовольствия или барабан радости. Есть, любить, петь, переваривать – по правде говоря, это и есть четыре акта комической оперы, которую мы называем жизнью». И в заключение один из самых популярных рецептов Россини. Классический «Турнедо-тост»:

«Четыре ломтика белого хлеба обжариваем на оливковом масле до золотистого цвета, перекладываем в теплую посуду, чтобы не остыли. Четыре куска говяжьей или свиной вырезки отбиваем и обжариваем на той же сковороде. Готовые отбивные солим, перчим и перекладываем на тосты. В той же сковороде на медленном огне подогреваем четыре порции паштета из птицы (гусиного, например) и перекладываем на мясо. В сковороду, в которой все ингредиенты по очереди обжаривались, выливаем полстакана красного вина, лучше всего мадеры и медленно доводим до кипения, активно размешивая этот соус, кипятим на медленном огне до необходимой густоты. Тосты выкладываем на блюдо, украшаем тонкими ломтиками лимона, жареными грибами, кружочками свежих помидоров, веточками петрушки и поливаем соусом».

Если вы, дорогие читатели проголодались, пока читали эту статью, идите на кухню и творите свои рецепты! Или готовьте по рецептам великих музыкантов, писателей и художников!

РЕЖИССУРА В ДИЗАЙНЕ ОДЕЖДЫ

■ **Давид ДЖАЛАГОНИЯ**

Просматривая как-то ленту Инстаграм, я наткнулся на фотографии трикотажных толстовок с интересными надписями и принтами. «Создано в Грузии» – было написано в шапке профиля владельца. Нажав на кнопку «Позвонить», я с удивлением узнал голос моей хорошей подруги Анны Кузнецовой, которую я знал как режиссера детской театральной студии в Рустави.

– **Аня, у тебя новая специальность?**

– Нет, просто хорошо забытая старая.

В Аниной квартире самая большая комната оборудована под швейную мастерскую. Раскройный стол, швейная машина, оверлок – даже меня, далекого

от швейного дела, впечатлил размах. Рулоны трикотажа занимают отдельное место.

– **Аня, как получилось, что режиссер переквалифицировался в модельера?**

Хозяйка дома улыбается и начинает показывать свои произведения. Чего только нет в стенном шкафу: грузинские национальные костюмы – чохи, платья, накидки; наряды Деда Мороза и Снегурочки; вечерние платья, костюмы диснеевских героев – Золушка, Аладдин, Русалочка, Белоснежка...

– Это все я шила для спектаклей. Режиссером я мечтала стать с самого детства. А шитье вроде как хобби. В 2016 году я получила диплом режиссера театрализованных

представлений и праздников Санкт-Петербургского государственного института культуры и стала профессиональным руководителем театральной студии «Зеркало» в Рустави, которая успешно работала с 2011 года по 2018-й. Мы ставили новогодние спектакли, театрализованные представления к Дню Победы, масленичные гуляния. Ко всем этим праздникам я шила костюмы, а также сама писала сценарии. Мне казалось, что каждое наше шоу должно сверкать новыми образами, в том числе и нарядами.

Помимо общей постановки спектакля, я продумывала образ каждого персонажа. В профессиональных театрах этим обычно занимаются художники и костюмеры, но мне приходилось совмещать эти специальности. Я понимала, что костюм может сказать о герое очень много, тем более, что актерами были дети и подростки, а значит, непрофессионалы. Удачный «камуфляж» часто спасал положение.

Но потом, в силу ряда обстоятельств, наша театральная студия закрылась, дети выросли, разлетелись кто куда, а костюмы остались. Их я сдавала в аренду, что-то переделывала, а потом решила шить одежду уже не для артистов. Год назад пошла работать в мастерскую переделок в нашем городе – вот где проходишь хорошую школу! Научилась тем швейным операциям, которые прежде не делала: ушивать и подшивать, подгонять на размер меньше или расширять одежду – всему этому я училась на практике.

– **А где ты научилась шить? Закончила параллельно курсы?**

– Если ты имеешь в виду специализированные курсы кройки и шитья – то нет, не закончила. К счастью, сегодня есть масса возможностей познавать новое, прежде всего Интернет: мастер-классы, обучающие видео. Еще я распарывала старую одежду и смотрела, как все собрано и сшито. Внимательно изучала журналы по шитью – там есть описание процесса. В мастерской я поработала несколько месяцев, а потом стала брать заказы на шитье и переделку

Изделия Анны Кузнецовой

одежды на дому. Это меня увлекло! Вот где пригодились навыки шитья, которые я приобрела в мастерской и еще раньше, создавая костюмы для юных артистов.

Сшила новый гардероб для самой себя – платья, брюки, блузки, даже пальто! Шила одежду для семьи и для клиентов. Даже заказала этикетки с названием своего бренда – «Cesarianna»!

К Новому году я создала небольшую коллекцию нарядных платьев для девочек 6-10 лет – почувствовала себя настоящим дизайнером-модельером! Для детских платьев мы с приятелем-фотографом через некоторое время сделали отличную фотосессию. Это был полезный и приятный опыт. Подобную коллекцию, кстати, я собираюсь сделать и весной, к выпускным праздникам в школах.

– Театральные костюмы, нарядные и вечерние платья – как все это «монтируется» с толстовками, которые ты сейчас шьешь?

– Гуляя по городу, я часто обращала внимание на девушек и парней, которые носят толстовки, капюшонки, свитшоты. Я поняла, что эта одежда невероятно удобная. Но почему ее носит только молодежь? Почему ее не надевают взрослые женщины? Ведь толстовки с капюшоном идут юным и зрелым, стройным

и полным. Этот базовый элемент гардероба можно надеть дома, на пробежку, на прогулку – да много куда! Идея украсить безликую толстовку пришла случайно – племянница захотела капюшонку с принтом любимой группы. Я нашла компанию, которая занимается брендированием, договорилась, и ребята сделали мне флексопечать на деталь переда, которую я потом сшила с остальными частями толстовки. Флексопечать – это тепловое нанесение особой бархатной или глянцевой пленки, выглядит очень интересно и позволяет создавать уникальные принты, которых нет больше ни у кого.

К Новому году у меня появился заказ на четыре толстовки с забавными надписями, потом подруга заказала капюшонку для дочери. Был и корпоративный заказ – несколько одинаковых толстовок с логотипом.

Мне присылают фотографии или надписи, которые люди хотят видеть на своей одежде, часто мне приходится адаптировать присланное под требования печати, это очень увлекательный процесс. Все дизайн-макеты я рисую на компьютере, затем мне их печатают, и я шью. Принт на толстовке привлекает внимание, служит для людей способом самовыражения. Все это, наряду с удобством, которое дарит спортивная одежда, соз-

дает отличный продукт, радующий моих заказчиков и меня.

– А какие у тебя планы дальше? В чем ты видишь развитие себя как дизайнера-модельера?

– Сегодня рынок перенасыщен низкокачественной текстильной продукцией. Хочется, чтобы наши люди носили хорошую одежду по доступным ценам. Я руководствуюсь принципом – лучше меньше, да лучше. Мне обидно, когда покупается дешевая вещь, надевается один раз, потом выбрасывается. Опыт работы в мастерской переделок научил меня продлевать жизнь любимой одежды.

До всей этой истории с толстовками я увлекалась пэчворком – лоскутным шитьем. Мне было интересно разрезать ненужную одежду и компоновать из кусочков что-то новое, красивое и функциональное. Я с радостью узнала о возрождении в 2020 году модной тенденции – колорблок. Это способ создания наряда путем наложения друг на друга разноцветных блоков одежды. Основная идея тренда – в объединении разных тонов, которые органично дополняют друг друга. А это значит, что сейчас я работаю над созданием новой коллекции, которая объединит в себе функциональность спортивной одежды и геометрические формы пэчворка.

Ирина Ковава, Сандугаш Ердимбекова, Еркеш Баймухамбет в ресторане «Орда»

ЛЕЧЕНИЕ НОСТАЛЬГИИ, ИЛИ КАЗАХСКАЯ КУХНЯ В ТБИЛИСИ

Юлия ТУЖИЛКИНА

Тбилиси – город теплый и гостеприимный. Это место пересечения, совмещения и сочетания разных культур и народов. Здесь живут люди многих национальностей и конфессий. И каждый стремится обогатить город своей национальной особенностью, своим колоритом.

Есть одна составляющая облика грузинской столицы, что подчеркивает наличие здесь различных культур – это национальные кухни народов мира. А сегодняшний день добавляет интересные и яркие, мирные завоевания – кулинарные. Гуляя по Тбилиси, можно забрести в турецкий, еврейский ресторанчик, отведать китайские или украинские блюда. А совсем недавно впервые появилась казахская кухня. Ее основатели – трое молодых соотечественников из Казахстана, которые скучали по своей национальной еде.

Еркеш Баймухамбет, совладелец казахского ресторана в Тбилиси: «Мы казахскую кухню

открыли для казахов, живущих в Грузии. Это наша целевая аудитория. Однако у нас очень много гостей из местного населения. Им тоже нравятся наши угощения. Они даже ищут аналоги в своей кухне, например, манты грузины сравнивают с хинкали».

Между тем повар на казах-

ской кухне грузинка, которая любит экспериментировать.

Нино Куркумули, повар в казахском ресторане Тбилиси: «Я работала в разных кухнях: украинской, ливанской, грузинской. Узнала, что открывается казахская и пришла на собеседование. Мне нравится экспериментировать и познавать что-то новое. Здесь меня обучал казахский повар. Кухня, конечно, отличается от грузинской: тут баранина, конина. Вообще много мяса и лука. Блюда разнообразные, мне нравятся. Сложности, конечно, вначале были, но я справилась. Сейчас готовлю уже свободно, но мне еще есть, к чему стремиться».

Название у ресторана – «Орда». Именно так в далекие времена именовалась военно-административная организация у тюркских и монгольских народов. С тех пор слово это приобрело другое смысловое наполнение, стало символичным.

Сандугаш Ердимбекова, совладелица казахского ресторана в Тбилиси: «Это звучное и красивое название означало для наших предков уют дома, встречу с близкими людьми после долгого пути. Так и для команды нашего ресторана «Орда» – это символ тепла и душевной трапезы по всем казахским традициям. И поэтому мы здесь, в Тбилиси, вдалеке от родного Казахстана, всем соотечественникам дарим связь с домом через вкусные национальные блюда».

Калорийная, народная, восточная и многослойная – именно такова современная казахская

кухня. Во многом она стала наследницей традиций кулинарной культуры кочевников и казахов, ведущих оседлый образ жизни. Отсюда и разнообразие пород мяса, и традиционные способы термической обработки продуктов, и множество молочных и кисломолочных напитков. Конечно, не всегда в Грузии можно достать многие продукты для идентичности приготовления блюд, поэтому что-то приходится привозить из Казахстана.

Ирина Ковава, совладелица казахского ресторана в Тбилиси: «Мы, конечно, привозим конину, а также свою колбасу и сладости. Привезли специально из Казахстана пиалы для чая, так как у нас на родине сохраняются старинные чайные традиции. И ког-

Вкусные блюда казахской кухни

значит, хотя бы, чтобы гость поскорее ушел. Также мы с родины привезли свои картины, где изображены юрты, девушки в национальных костюмах. Это все придает особый уют нашему ресторанчику».

Меню ресторана разнообразно: здесь и визитная карточка казахского застолья – бешбармак, и манты, и лапша, а также национальные сладости и, конечно же, собственный хлеб, про который есть даже народная шутка.

Сандугаш Ердимбекова, совладелица казахского ресторана в Тбилиси: «Мы, казахи, – народ находчивый и не без хитрцы. Почему? Да потому что кто-то хлеб делает с мясом, кто-то с курицей, кто-то печет пирожки с картошкой, с яйцами... у всех народов по-разному. А казахи придумали маленькие пирожочки, наполненные внутри воздухом, и называются они баурсаки».

Ресторан работает всего пару месяцев, а уже обрел свою аудиторию. Первая встреча соотечественников состоялась в День независимости Казахстана.

Айгуль Койшиманова, гражданка Казахстана, жительница Тбилиси: «Здесь в Тбилиси мы нашли друг друга (я имею в виду казахов) благодаря средствам социальной связи. Узнали, что появился у нас новый ресторан. И мы решили здесь встретиться. Нас было очень много на День независимости Казахстана.

Пришли с детьми, семьями, то есть отметили праздник большой казахской дружной семьей. А потом решили, что всегда будем здесь встречаться с соотечественниками».

Надо отметить, что основу традиционного казахского меню составляют блюда, способы приготовления которых формировались столетиями. По этому поводу у администрации ресторана есть амбициозные планы.

Ирина Ковава, совладелица казахского ресторана в Тбилиси: «У нашей команды большие планы на 2020 год. Мы уже начинаем продумывать и организовывать все детали для следующего тбилисского ресторана, где будет больше места для всех наших казахских и грузинских друзей. А главное – мы продумываем меню с забытыми национальными блюдами. Это будет не только вкусно и интересно, но и важно для всех нас: кухня сохраняет историческую связь между поколениями».

Ностальгия – одна из самых сильных человеческих эмоций. Ее переживания так или иначе возвращают в прошлое, вызывая тоску по родине. И хорошую терапию от этой болезни придумали казахи: в своем ресторане национальной кухни они исцеляют всех: вкусно, душевно и весело.

да к нам сюда приходят соотечественники, мы сразу разливаем чай – встречаем гостей – совсем как дома. У нас есть очень интересный обычай. Когда в Казахстане встречают в семье гостей, то наливают чаю чуть-чуть, это говорит о том, что хозяйка рада гостю и рада за ним ухаживать. Гость выпивает – ему доливают, и тем самым показывают, что это очень ценный гость. Мы можем хоть весь вечер так стоять и доливать чай. Это делается для того, чтобы гость подольше задержался. А если в семье наливают сразу полную пиалу,

УШЕЛ ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛАЯ...

Можно попробовать составить десятку лучших фильмов отечественного кинематографа, пятерку, тройку... И в любой список обязательно войдет одна из картин Георгия Шенгелая. Впрочем, недавно молодые грузинские киноcritики составили такой список. На первое место вышел фильм «Элисо» – Николая Шенгелая. На пятое-шестое места – «Пиросмани» Георгия Шенгелая и «Необыкновенная выставка» Эльдара Шенгелая.

Георгий Шенгелая – представитель одной из самых известных грузинских кинематографических династий. Он родился 11 мая 1937 года в Тбилиси в семье режиссера Николая Шенгелая и актрисы Нато Вачнадзе. Окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская А.П. Довженко и М.Е. Чиарели). С 1961 года – режиссер киностудии «Грузия-фильм». Вел режиссерскую мастерскую в Тбилисском институте театра и кино им. Ш. Руставели. Народный артист Грузии, обладатель престижных премий и наград, лауреат международных кинофестивалей. В мае 2016 года в

Тбилиси открыли «звезду» Георгия Шенгелая.

Он снял 12 полнометражных художественных фильмов, в числе которых – «Путешествие молодого композитора», «Алавердоба», «Пиросмани», «Мелодии Верийского квартала», «Девушка со швейной машинкой», «Хареба и Гогия». В кризисные 90-е годы продолжал снимать и даже стал автором первого в истории грузинского кино эротического фильма «Любовь в винограднике».

На страницах «Русского клуба» остались памятные страницы – в свое время Георгий Шенгелая рассказал нам о том, как снимался самый популярный его фильм – «Мелодии Верийского квартала», абсолютный лидер кинопроката в 1973 году. «До «Мелодий» я снимал авторское кино – «Пиросмани», «Алавердоба», – вспоминал режиссер. – Но подавать с экрана глубокую, элитарную, серьезную историю в таких масштабах, как большое кино, сложно. Поймите, к зрителям у меня нет никаких претензий. Ведь не каждый имеет такое

образование, чтобы смотреть и понимать авторское кино. Когда «Пиросмани» вышел на экраны в Тбилиси, я пошел в кинотеатр посмотреть, что там происходит. В зале сидело три человека. Притом в очень небольшом зале – подобным фильмам давали четвертую категорию, и они шли малым экраном. И я стал думать – что делать? Если говорить откровенно, то к съемкам «Мелодий Верийского квартала» меня подтолкнул мой младший сын Сандро. Мы с ним ходили в кино на мюзиклы, и однажды, когда вышли из кинотеатра, он меня спросил: «Папа, а ты можешь снять такое же кино?» Это стало конкретным поводом. И я решил снять фильм, который понравился бы моему сыну».

Мы знали, что Георгий Николаевич тяжело болеет. Но он не переставал строить планы и говорил: «Я по-прежнему мечтаю снять «Хаджи-Мурата».

Увы, этой мечте не суждено было осуществиться...

По словам известного киноведа Кирилла Разлогова, «Георгий Шенгелая останется режиссером, популярность и талант которого были очевидны и в СССР, и в родной Грузии, и во всем мире».

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

გოტვევს

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები საზღვარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

28 ноября 2017 года в парке Надиквари (г. Телави, Кахети) официально открыли памятник выдающейся украинской поэтессе Лесе Украинке. В Телави она написала «Каменного хозяина» и «Руфина и Присциллу». Скульпторы О.Ю. Рубан, В.Р. Липовка и архитектор В.П. Скульский.

Фото Александра Сватикова